

**Христианские мотивы в романе Елены Чижовой «Время
женщин»**

Валерия Комина
Тамперский университет
Институт современных языков, переводоведения и литературоведения
Русский язык и культура
Дипломная работа
Май 2013

Tampereen yliopisto
Venäjän kieli ja kulttuuri/filosofian maisterin tutkinto
Kieli-, käännös- ja kirjallisuustieteiden yksikkö

KOMINA, VALERIA: Kristilliset motiivit Elena Tšežovan romaanissa ”Vremja ženštšin”

Pro gradu -tutkielma, 74 sivua + suomenkielinen tiivistelmä [1 sivu]
toukokuu 2013

Tutkielmassani käsittelen kristillisiä motiiveja Elena Tšežovan romaanissa ”Vremja ženštšin”. Tarkastelen teosta, joka edustaa venäläistä nykykirjallisuutta ja nimenomaan naiskirjailijoiden proosaa. Haluan tutkielmassani tuoda esiin keinot ja tavat, joiden avulla Elena Tšežova luo romaanissaan uuden naisellisuuden.

Johdantokappaleen jälkeen tutustun Elena Tšežovan kirjailijauraan ja hänen asemaansa venäläisessä nykykirjallisuudessa. Käsittelen myös romaanin ”Vremja ženštšin”, kerron lyhyesti teoksen sisällön ja kuvailen päähenkilöt. Samalla pyrin selvittämään, minkälaisen vastaanoton romaani sai venäläisessä yhteiskunnassa ja kirjallisuuskritiikissä.

Kolmannessa luvussa perehdyn työni teoreettiseen viitekehykseen. Ensisijaisesti tarkastelen motiivin käsitettä. Kristillisyyks on yksi tärkeimmistä venäläisen kirjallisuuden komponenteista. Tämän myötä on oleellista tutkia kristillisyyden ja venäläisen kirjallisuuden suhdetta. Romaanin päähenkilöinä on viisi naista. Elena Tšežova korostaa jo romaaninsa nimellä ”Vremja ženštšin” (suoraan käännettynä ”Naisten aika”) omaa kuulumistaan naiskirjailijoiden joukkoon. Kirjailija leikittelee teoksessaan perinteisellä kristillisellä naisen roolilla ja muuntaa naishahmojen perinteisyyttä uusilla piirteillä. Täten pidän tarpeellisena perehtyä gender-käsitteeseen ja naisten proosaan nykykirjallisuuden ilmiönä. Romaanissa ”Vremja ženštšin” etusijalle asetuu äidin rooli lapsen kasvatuksessa. Äitiys on tärkeä teema venäläisessä kulttuurissa. Kristillisestä näkökulmasta äiti voi olla biologinen ja hengellinen (kummitäti=äiti). Naisten proosa muokkaa omalla tavallaan äitiyttä ja siihen liittyvää diskurssia. Elena Tšežovan romaanissa pienellä tytöllä on biologinen ja kolme hengellistä äitiä. Siksi tutkin teoreettisessa osassa myös tätä kysymystä. Viimeisenä teoreettisen viitekehysten aiheena on naisellisuuden konsepti venäläisessä kulttuurissa. Tämä konsepti pohjautuu filosofiseen ajatukseen Sofia Jumalan Viisaudesta, jolla on kolme ilmestymistapaa: 1. Maaemo, 2. Äiti-Venäjä ja 3. Jumalanäiti.

Tutkielmani analyysiosiossa perehdyn tarkemmin tutkimuksen kohteena olevaan romaanin ja siinä esiintyviin kristillisiin motiiveihin. Tarkastelen teoksen päähenkilöitä ja sitä miten heidän hahmonsaa, ja tämän myötä uusi naisellisuus luodaan. Elena Tšežova noudattaa naisten proosan asettamia vaatimuksia, mutta kuitenkin samalla tuo romaaniinsa uusia tuulia ja ajatuksia. Kirjailija ei tyydy perinteiseen kristilliseen naishahmoon, vaan luo monimutkaisen ja monitahoisen naisellisuuden, joka kuvailee hyvin nykyvenäläisen naiskirjallisuuden piirteitä.

Avainsanat: kristillisyyks, motiivi, gender, naisten proosa

Оглавление

1. Введение.....	1
2. Елена Чижова и роман «Время женщин».....	2
2.1. Обзор творчества Елены Чижовой	2
2.2. Роман «Время женщин»	3
2.3. Критическая литература о романе «Время женщин»	4
3. Метод и теория	7
3.1. Мотив.....	7
3.2. Христианство и русская литература.....	9
3.3. Гендер и женская проза	13
3.3.1. Материнство в русской литературе	15
3.3.2. Концепт женственности в русской культуре	17
4. Анализ романа «Время женщин».....	20
4.1. Христианские мотивы в сюжете романа «Время женщин».....	20
4.1.1. Крещение и выбор имени	20
4.1.2. Церковный календарь и походы в церковь	26
4.1.3. Сакральные аспекты мотива немоты и цифры «7»	30
4.2. Женские нарративы.....	33
4.3. Символическая роль христианских мотивов	42
4.3.1. Мотивы рая и ада	42
4.3.2. Мотивы чуда и греха	50
4.4. Христианские мотивы в воображении и внутреннем мире Софии.....	58
4.4.1. Духовный стих «Голубиная книга»	62
4.4.2. Образ голубя в воображении Софии. Стих о Голубиной книге.	64
5. Заключение.....	68
6. Список источников.....	71

1. Введение

Объектом данной дипломной работы является роман современной писательницы Елены Чижовой «Время женщин». Как сама писательница, так и ее творчество являются на данный момент актуальными. Роман «Время женщин» был удостоен очень почетной награды – премии Русский Букер – в 2009 году. Он вызвал разнообразные отклики в критической литературе, печатной прессе, а также в интернет-пространстве.

Роман «Время женщин» рассказывает читателям о судьбе пяти женщин в контексте советской жизни 1960-х – 1970-х годов. Е. Чижова создает текст особого уровня, в котором выводится на первый план понятие генетической и личной памяти. Однако главным достижением писательницы является то, что она смогла передать на письме особым «звучком» невидимую взору связь героинь; связь, которая возникла и укрепилась в сердце главной героини – Софии в период ее детства, самый счастливый в жизни девочки, а название ему – Время женщин.

Задачей данной дипломной работы является изучение христианских мотивов в романе «Время женщин», который понимается как произведение современной женской прозы. Таким образом, мы обратимся к рассмотрению своеобразия христианских мотивов в современной женской прозе и конкретно у Е. Чижовой в ее тексте. Для этого во второй главе мы представим Е. Чижову и ее роман «Время женщин», а также осуществим обзор критической литературы, касающейся творчества писательницы.

В главе «Метод и теория» мы дадим определение понятия «мотив», покажем значение христианства, православия и христианских мотивов в русской литературе, рассмотрим специфику женской литературы и то, как представления о женственности в русской женской литературе связаны с христианскими мотивами, а также, как это трансформируется в женской прозе сегодня и у Е. Чижовой в частности.

В главе «Анализ романа» мы выясним, как христианские мотивы используются в романе Е. Чижовой, прежде всего обратив внимание на сюжет и героев.

2. Елена Чижова и роман «Время женщин»

Елена Чижова – автор нескольких успешных романов. Ее романы «поселились» на полках книжных магазинов рядом с произведениями известных писателей современной массовой литературы. Однако далеко не все знакомы с творчеством Е. Чижовой, поэтому мы считаем целесообразным сделать краткий обзор творчества автора.

2.1. Обзор творчества Елены Чижовой

Елена Семеновна Чижова – прозаик, переводчик, эссеист. Она исполняет обязанности главного редактора международного журнала "Всемирное слово" в Санкт-Петербурге, а также является директором Санкт-Петербургского русского ПЕН-Клуба. Как профессиональный писатель начала публиковаться около десяти лет назад. (Пятаков 2009, www.)

Елена Чижова – автор романов "Крошки Цахес", "Лавра", "Преступница", "Время женщин". Романы "Лавра" и "Преступница" – финалисты престижной литературной премии "Русский Букер" в 2003 и 2005 гг. (Пятаков 2009, www.) Елена Чижова является лауреатом премии журнала "Звезда" за лучший дебют в 2000 году и Санкт-Петербургской премии "Северная Пальмира" в 2001 году по разделу "Проза". 3 декабря 2009 года Елена Чижова стала лауреатом премии "Русский Букер" за роман "Время женщин". (Пятаков 2009, www.)

Особое внимание на творчество Е. Чижовой обращает российский литературный критик Е. Погорелая. В третьем номере журнала «Вопросы литературы» от 2010 года была опубликована статья Е. Погорелой «В поисках озвученного времени». В этой статье критик анализирует романы Е. Чижовой и называет характерные черты ее прозы. Е. Погорелая отмечает особый тон лирического повествования романов. Он нервный, изломанный, балансирующий на грани гротеска, потока сознания и исторической хроники. Также критик обращает отдельное внимание на звучание слов («процесс рождения слова из немоты»). (Погорелая 2010, www.) Звучащее слово играет важную роль в творчестве Е. Чижовой, однако этот аспект мы рассмотрим более подробно в другой главе.

Е. Погорелая также подчеркивает особенность отражения времени и чувств в романах писательницы. Время Е. Чижовой не персонифицируется в каком-либо человеческом образе, оно не является категорией прошлого, однако оно «вечно переживаемое» и «болезненное настоящее». На страницах романов мы также видим одиночество, отверженность, ощущение

фатальной несправедливости мира, человеческий ропот и «мысль о звучащем времени, рассказанную голосами своих жертв и свидетелей». (Погорелая 2010, www.)

2.2. Роман «Время женщин»

Роман «Время женщин» был написан в 2009 году, и как мы уже отметили, завоевал престижную премию «Русский Букер». По словам самой Елены Чижовой, в какой-то степени роман автобиографичен.

В интервью Т. Вольтской (Вольтская 2009, www) писательница признается, что не ходила в детский сад, так как воспитывалась мамой и прабабушкой. Они пережили блокаду и часто рассказывали о событиях своей непростой жизни маленькой Елене. Это и составило некий фон детства Е. Чижовой. Ужасы того времени воспринимались как норма. О чем-то подобном мы читаем на страницах романа «Время женщин»: три старухи-героини обсуждали прожитую жизнь, говоря о ее горестях и бедах как об абсолютно обыденных вещах.

Итак, главные героини романа – Гликерия, Ариадна, Евдокия, девочка Сюзанна и ее мать Антонина. Все события романа сосредоточены вокруг них. Евдокия, Ариадна и Гликерия – женщины преклонных лет. Мы узнаем о их нелегкой жизни, о тяжелых воспоминаниях. Они были одиноки: детей и родственников не имели. Старухи делили квартиру с молодой женщиной – Антониной. Антонина работала на заводе, была незамужем, но имела «незаконнорожденного» ребенка – девочку Сюзанну или по-церковному Софию.

Повествование романа ведется от разных лиц. Произведение состоит из глав: «Мать», «Дочь», вновь «Мать», «Гликерия», «Евдокия», «Отчим», «Ариадна», «Соломон» и «Внучка». По названию глав мы можем догадаться, кто является рассказчиком. При этом мысли девочки присутствуют во всех частях романа. Они выделены курсивом.

Роман «Время женщин» начинается и заканчивается воспоминаниями–рассуждениями взрослой Софии. Девушка пыталась восстановить в памяти события давних лет, свое детство. Читая роман, мы узнаем, что Антонина забеременела от незнакомого молодого человека. Отец ребенка пропал. Возможно, он оказался в тюрьме. Антонина родила девочку, которую назвала Сюзанной. Она вынуждена была делить квартиру с тремя старухами. Со временем они заменили ей и ее девочке матерей. Антонина работала на заводе, а старухи в это время присматривали за ребенком. Они покрестили Сюзанну и выбрали по Святцам ей новое церковное имя – София.

Воспитание девочки было возложено на старух, так как ребенок обладал «дефектом» – немотой. Антонина очень боялась, что тайна раскроется, поэтому не отдавала девочку в детский сад и говорила всем на работе, что ее мать приехала из деревни присматривать за Софией. Одинокие старухи рождение девочки восприняли, как подарок от Бога, и сосредоточили все свое внимание и заботу на ребенке. Евдокия, Гликерия, Ариадна верующие и жили по церковному календарю. Они отвергали советский режим и воспитывали Софию как несоветского человека.

Антонина обратила внимание на работника завода – Николая. Между ними не было интимной связи, однако женсовет имел на все свою точку зрения. По заводу распространился слух об отношениях между героями. Николая сняли с очереди на квартиру, вынуждая его, таким образом, жениться на Антонине. Он угрожал рассказать о ребенке-инвалиде на собрании женсовета и потребовал, чтобы Антонина выдумала причину по «женской части», почему брак невозможен. Антонина, в свою очередь, пошла в женскую консультацию в надежде найти какую-нибудь болезнь. Героиня узнала о том, что у нее в матке образовалась опухоль. Болезнь оказалась запущенной, и потребовалась немедленная операция.

После операции Антонина чувствовала себя плохо, и с каждым днем силы покидали ее. Старухи пребывали в отчаянии, так как официально не являлись родственниками девочки, и после смерти Антонины ребенка забрали бы органы опеки. Этого героини допустить не могли. София была центром жизни старух, она то, что держало их вместе, да и вообще на этом свете. Друг Гликерии Соломон дал героиням надежду, придумав план о замужестве: больную, умирающую Антонину выдали замуж за Николая. Антонина ушла из жизни, а Николай отдал право на опеку девочки старухам. Так София осталась в мире «несоветских» старух и получила воспитание и мировоззрение, отличное от окружающих ее людей. Она выросла несоветским человеком, прекрасным художником, но глубоко одинокой женщиной, тоскующей по прошлому: по маме, ушедшей так рано из жизни, по старухам, подарившим ей все самое лучшее, и по семейному уюту, который неизвестно найдет ли она в будущем.

2.3. Критическая литература о романе «Время женщин»

Роман «Время женщин» вызвал большой интерес у публики после завоевания премии «Русский букер» в 2009 году. Однако, к сожалению, количество критических статей об этой

книге очень невелико. В основном мы можем обращаться к рецензиям читателей, которые либо симпатизируют автору, либо пытаются выявлять художественные недостатки романа.

Из критических статей наиболее авторитетными являются следующие: статья «В поисках озвученного времени» Елены Погорелой, «Время Чижовой» Ирины Булкиной, «Оглашенная в Лавре» Ирины Роднянской и «О жертве и милости» Константина Азадовского (последние две являются отзывом на другой роман Чижовой - «Лавра»). Не менее важна для нас и беседа-интервью Елены Чижовой и Е. Погорелой под названием «Умение начинать со звука...». Также существует ряд журналистских статей о постановке романа «Время женщин» на сцене театра «Современник».

Ирина Роднянская и Константин Азадовский подчеркивают в своих статьях важность темы христианства, православия и жизни церкви для творчества Е. Чижовой. Оба автора, каждый в своей манере, характеризуют произведение «Лавра». Мы видим и явную критику, и мнение «о достоинствах» данного текста. Однако мы не будем анализировать эти статьи более подробно, так как они не касаются в своих текстах романа «Время женщин».

Также мы можем обратиться к рецензиям непрофессиональных критиков – читателей романа, которые выделяют ключевые темы произведения. Особое внимание уделяется мозаичности сюжета, соединению реальности и сказки в тексте. Читатели также подчеркивают роль матери в романе в качестве носителя исторической памяти, а также значение детства для становления главной героини. Более подробно ознакомиться с рецензиями на произведение «Время женщин» можно на интернет-странице <<http://www.livelib.ru/author/235003/reviews>>.

Е. Погорелая и И. Булкина в статьях «В поисках озвученного времени» и «Время Чижовой» обращают внимание на специфичность творчества Е. Чижовой. И. Булкина отмечает замысловатость, усложненность текста, который от «унылого монолога перешел к замысловатому коллажу, нелинейному сюжету» (Булкина, www). Е. Погорелая, в свою очередь, говорит об оригинальности способа повествования в романах Е. Чижовой. Мысль о звучащем времени проходит красной нитью через статью критика. Сама Е. Чижова скажет в беседе-интервью: «Да, звук остался. Это я воспитывала в себе в течение двадцати лет: умение доводить повествование до звука...» (Погорелая, www).

Разные отклики роман «Время женщин» получил и в прессе, которая обсуждала постановку произведения на театральной сцене. Например, Е. Губайдулина, Н. Казьмина и А. Шендерова в статьях «Птицы радости, птицы печали», «Репчатый лук работает на духовность» и «Сказка коммунизма» высказывают свое мнение о данном тексте. Мы слышим в очередной раз о сюжетной игре реальности и сказки, яви и сна, о женственности и

фемининном начале романа «Время женщин», а также об интертекстуальности произведения.

Роман «Время женщин», согласно Н. Казьминой (Казьмина, www), ассоциируется с известным фильмом «Москва слезам не верит»: Катя Тихомирова В. Алентовой и Антонина Беспалова А. Бабенко – наивные провинциальные барышни, сказка которых однако заканчивается по-разному. Запах лука автору статьи напоминает запах салата из спектакля режиссера А. Васильева «Взрослая дочь молодого человека». А спор старух наводит на мысль о знаменитых спектаклях Г. Яновской «Вдовый пароход» и Г. Волчек «Эшелон» и «Крутой маршрут». Также Н. Казьмина упоминает о подарке Николая Тоне – волчке. И сразу «Три сестры» А. Чехова появляются перед нашим взором: в данном случае, Гликерия, Евдокия и Ариадна. За счет возникновения ассоциативных линий создается эффект обрастания романа «Время женщин» «родственными связями» и «укоренения его в дискурсе». (Казьмина, www.)

Роман «Время женщин» предоставляет большой простор для интерпретаций и размышлений. Мы видим, что критики и читатели подчеркивают важность темы христианства, православия, женственности в творчестве Е. Чижовой. Однако при этом практически нет работ, осуществляющих подробный анализ произведений писательницы. Таким образом, данный факт мотивирует тему нашего исследования: она актуальна, но недостаточно изучена.

3. Метод и теория

В данной главе будет произведен обзор основных теоретических понятий. Мы проанализируем термин «мотив», рассмотрим, как христианские мотивы отражаются в русской литературе, а также дадим определение «женской прозе».

3.1. Мотив

Цель данной работы – анализ христианских мотивов в романе Е. Чижовой «Время женщин», поэтому мы считаем целесообразным начать рассмотрение методологического материала именно с теории мотива. В литературоведении существует большое количество интерпретаций термина «мотив»; здесь мы представим лишь некоторые из них.

Основными источниками нашей работы послужили диссертация Кейо Холсти «Motiivin käsite kirjallisuudentutkimuksessa», а также учебное пособие Т. Романовой под названием «Мотив денег в русской литературе XIX века».

Согласно К. Холсти (Holsti 1970: 13), слово «мотив» происходит от латинского глагола «movere». Таким образом, произведенное от латинского глагола «movere» существительное «мотив» в общепотребительном языке обозначает «побуждение» или «побуждающую силу». Слово «мотив» встречается уже в Средние века во французском, английском языках, а также немецком языке, начиная с XVI века. В литературоведение же термин пришел впервые в конце XVIII века через творчество Гете и Шиллера. (Holsti 1970: 13.)

Литературно-энциклопедический словарь (ЛЭС, www) определяет понятие «мотива», как «устойчивый формально-содержательный компонент литературного текста; мотив может быть выделен в пределах одного или нескольких произведений писателя». Л. М. Щемелева пишет, что мотив – это устойчивый смысловой элемент литературного текста, повторяющийся в пределах одного или ряда фольклорных и художественных произведений (Щемелева 1981: 290).

Согласно Г. Романовой, понятие «мотив» имеет важное значение в искусствоведении, в музыковедении, а также в психологии, где оно обозначает «целепобуждающий и целедефиционный выбор определенной деятельности-активности индивидом, связанный с удовлетворением его потребности, самоцели» (Г. Романова 2006: 14). Таким образом, термин «мотив» можно рассматривать как побуждающее действие – мотивировку.

К. Холсти в своей диссертации (Holsti 1970: 66) подразделяет мотивы на четыре группы. Понимание мотива зависит от того, в какой области данный термин используется. Распределение мотива по группам, согласно К. Холсти, выглядит следующим образом: первые две группы отвечают скорее за психологическое состояние человека, остальные относятся к литературной сфере.

1. Генетический мотив: побуждает писателя создавать свои произведения
2. Рецептивный мотив: зарождает чувства у читателя текста
3. Историко-литературный мотив: мотив возникает в литературе или в какой-либо ограниченной части литературы
4. Художественный мотив: встречается в конкретном художественном произведении.

Если исследование художественного мотива основывается единственно на изучении формы, формальной структуры текста, художественный мотив, согласно К. Холсти, можно назвать также и морфологическим мотивом. Исследователь подчеркивает (Holsti 1970: 66), что границы между данными группами не всегда являются четко обозначенными.

Общепризнанным показателем мотива является его повторяемость, однако К. Холсти отмечает разницу в интерпретации повторяемости мотива. Одни исследователи выделяют повторяемость как свойство мотива. Другие утверждают, что мотив – это особая ситуация, следовательно, он не может повторяться. Версия о непосредственной повторяемости мотива является наиболее распространенной. (Holsti 1970: 148.) Мотивы также подразделяют на связанные и свободные (по отношению к развитию действия), на реализованные и полуреализованные в тексте, на главные и побочные, на статические и динамические. (Романова 2006: 16.)

Ведущий мотив в одном или во многих произведениях писателя может определяться как лейтмотив. Обычно он становится экспрессивно-эмоциональной основой для воплощения идеи произведения. Лейтмотив может рассматриваться на уровне темы, образной структуры и интонационно-звукового оформления произведения. (Целкова, www)

Функции мотивов в произведении разнообразны. Один и тот же мотив может выполнять различные функции в одном и том же произведении. В тексте, представляющем перед читателем линейно, мотив является повторяющимся словом или фразой. В художественном мире, создающемся в воображении, мотив может отождествляться с частью предметного мира (деталью портрета, пейзажа, интерьера и т.д.). В сюжете мотив является элементом действия, в композиции – соединяющим элементом (приемом, скрепляющим фрагменты). (Романова 2006: 16.)

В романе «Время женщин» Елены Чижовой одна из групп мотивов связана с религиозно-христианскими идеями. Мы попытаемся выделить и проанализировать мотивы такого типа в данном произведении. В нашей работе имеет значение художественное понимание мотива, так как в практической части мы будем рассматривать непосредственно художественное произведение. Христианские мотивы в романе «Время женщин» являются связанными по отношению к развитию действия, так как мы не можем вычеркнуть их из сюжета, не нарушив целостности содержания текста. Мы также можем определить христианские мотивы как главные и динамические. Их роль в тексте очень велика, а значит побочными они не являются. К тому же динамика развития религиозных мотивов наблюдается как в сюжете романа, так и в его особой символичности.

Использование христианских мотивов в художественном тексте не является новаторством Е. Чижовой. В истории русской литературы можно найти много примеров диалога религии и писательской мысли. В следующем разделе мы рассмотрим данный вопрос более подробно.

3.2. Христианство и русская литература

Христианство и православие – важнейшая составляющая русской литературной традиции. Если мы обратимся к истории православной веры на Руси, то увидим, что православие и вообще христианство сыграло в становлении русской литературы одну из главных, если не основную роль.

Русская письменность возникла только с появлением кириллического алфавита, составленного монахами Кириллом и Мефодием в 863 г., а также с принятием древней Русью христианства в 988 г. С кириллицей на Русь пришел не только письменный язык, но и книги для богослужений, такие как Евангелие, Апостолы, Псалтырь, Священное писание. (Захаров 2008, www.)

Отношения литературы и религии активно изучаются современными исследователями. Например, российский литературный критик М. Берг в статье «О статусе литературы» подчеркивает особую роль литературы и писателя/поэта в жизни русского народа (Берг, www). Согласно М. Бергу (Берг, www), в русской культуре слово было окружено магическим ореолом, а обожествлению подвергался не только текст, но и алфавит. Сакральность слова, текста и алфавита обуславливается идеей Платона, согласно которой алфавит представляет собой модель универсума. Двойная модель письменности –

религиозная и светская – сформировалась под влиянием средневековой традиции русской культуры. Писатель в рамках этой культуры представал не создателем текста, а транслятором и передатчиком высшей истины. Он также наделялся чертами пророка и властителя дум. (Берг, www.)

Из-за секулизации литературы при Петре I произошло изменение статуса поэта в обществе: поэт перестает восприниматься как носитель сакрального знания. В результате чего иерархия «Бог – Церковь – поэт» в модернизированном виде предстала иерархией «Бог – монарх – Церковь – поэт», следствием чего явилось изменение направленности русской литературы, ее отчужденность от религиозного вопроса.

В настоящее время, согласно ученому И.А. Есаулову, «постсоветская» история русской литературы переживает кризис, поэтому необходима новая концепция русской литературы. Одной из актуальнейших проблем теоретического литературоведения, с его точки зрения, является «осознание христианского подтекста русской литературы как особого предмета изучения». Также ученый утверждает, что во многих произведениях русской литературы есть общий для русской словесности православный код, и без актуализации категории соборности в их поэтике упускается чрезвычайно существенная сторона, укореняющая их в определенном типе культуры. (Есаулов, www.) Таким образом, диалог религии и русской литературы рождает большое количество христианских мотивов в художественном произведении.

П. Бухаркин в статье «Православная церковь и светская литература в новое время: основные аспекты проблемы» называет основные, на его взгляд, религиозные мотивы в русской литературе, а именно: 1. аскетизм для поэта, 2. идея самопожертвования, 3. идея жертвенности и искупления (Бухаркин: 1996: 34). П. Бухаркин также рассуждает о смешении категорий христианства и церковности в филологии, что зачастую приводит исследователей к принципиальным ошибкам. Христианство в творчестве писателя вовсе не означает его воцерковленности. Таким образом, исследователь предлагает разграничивать концептуальные ряды «литература – церковь» от «литература – христианство». (Бухаркин: 1996: 34.) П. Бухаркин выделяет сквозные христианские темы русской литературы. Но можно говорить и более конкретно о христианских образах в текстах различных русских писателей.

Например, у А. Грибоедова в комедии «Горе от ума» С. Васильев отмечает такие мотивы, как мотив адского пламени, апокалипсиса, грехопадения человека и христианского милосердия (Васильев, www). У А. Пушкина встречаются мотивы пророка и Библии (Боброва 1998, www). Библейские и, в частности, ветхозаветные образы характерны для

лирики, драм, прозы и поэм М. Лермонтова и являются неотъемлемым компонентом его художественного стиля. В произведениях писателя преобладают такие мотивы, как мотив пророка и демонизма (Нарышкина 2008, www). Для Ф. Достоевского Евангелие было главной книгой. Образ Христа внутренне стоит в центре его творчества. А. Осипов выделяет в творчестве писателя мотивы смирения, покаяния и прощения (Осипов 1996, www). Христианские мотивы находят в творчестве А. Блока, И. Бунина, М. Булгакова, даже у таких советских писателей, как В. Маяковский и Н. Островский, и так вплоть до сегодняшнего времени.

Выше мы уже говорили о проблематике взаимоотношений русской литературы и религии. М. Берг и И. Есаулов обращают внимание на кризис современной литературы. И. Есаулов в своей статье даже делает попытки решить кризис «постсоветской словесности». Ряд методологических затруднений, связанных с изучением «духовного вектора» в литературе, рассматривает и Н. Ильинская в статье «Проблема «литература и христианство» в научной рецепции». Она приводит примеры самых дискуссионных вопросов: 1. какова духовно-эстетическая доминанта, определяющая магистральный вектор развития секуляризированной культуры XX века и 2) в пределах какой аксиологии должен находиться исследователь, определяющий характер художественной и религиозно-философской составляющей поэтического текста? (Ильинская, www.)

Н. Ильинская не просто ставит вопросы, но и обостряет неоднозначность интерпретации методологических проблем. Исследовательница пишет, ссылаясь на литературоведа М. Дунаева, что православие «устанавливает единственно истинную точку зрения на жизнь, и эту точку зрения усваивает русская литература в качестве основной идеи, становясь таким образом православной по своему духу» (Ильинская, www). То есть получается, что истинную русскую литературу определяет только православный духовный вектор. Таким образом, закономерно возникает вопрос, какой же статус приобретает в русской литературе искусство, которое следует иным духовным ориентациям и философским системам или вообще независит от них? Таким образом, можно видеть, что некоторые исследователи придают христианским мотивам ключевое значение, считая, что без них русская литература вообще невозможна. Другие же исследователи оценивают значение мотивов не столь универсально. Но все сходятся на том, что религиозная проблематика важна, если говорим о современной русской литературе, но малоизучена. Христианские мотивы находят отражение во многих современных художественных произведениях, в том числе, и в изучаемом нами романе «Время женщин».

Е. Чижова разделяет христианство, православие и жизнь православной церкви как института. Когда мы говорим об особом отношении Е. Чижовой к православной вере, следует учитывать то, что ее нельзя назвать воцерковленной писательницей. В одной из своих статей «Русская Православная церковь как политическая партия» (Чижова 2006, www) она достаточно жестко выражает свою точку зрения по поводу деятельности Православной церкви, отождествляя ее и с политической партией, и с олигархами, и даже с преступной организацией. Об этом, конечно, не говорится напрямую, но это прочитывается между строк. Е. Чижова, проанализировав общественно-политическую ситуацию страны, приходит к выводу, что «на смену «советской» мифологии приходит мифология «постсоветская», важнейшими компонентами которой становятся «государственность», «национальная идея» и «Православие»» (Чижова 2006, www). В обществе возникает, так называемая, триада, и Русская Православная Церковь становится неотъемлемым компонентом данного мифического союза. Однако, несмотря на критику действующей церковной власти, Е. Чижова вплетает в канву своих произведений библейские мотивы и обыгрывает их в новом контексте. Это еще раз доказывает важность и традиционность христианской мысли для русской литературы.

Таким образом, в этой главе мы показали, как христианские и православные мотивы важны для русской литературы. В христианстве и конкретно в православии и еще конкретнее в церковной православной практике существует определенное представление о женственности, женщине и ее месте. Следствием является возникновение дискуссий, обсуждающих данный вопрос. Например, сборник «Русская женщина и православие» (под ред. Горичевой 1996), включающий в себя различные статьи, материалы, интервью отечественных и зарубежных богословов, философов, историков, рассматривает судьбу русской женщины в контексте православной традиции.

Эти христианские концепции женственности сложно развиваются и трансформируются в современной женской прозе, в которой они получают специфическое развитие. Елена Чижова относит себя к представительницам женской прозы уже названием романа – «Время женщин». Поэтому для дальнейшего анализа нам необходимо ознакомиться с женским творчеством и понятием «гендера» в русской литературе.

Христианская догма и женское творчество создают, разрушают и реконструируют конкретный женский образ. С религиозной точки зрения в женщине ценны целомудрие, смирение, кротость и страдание ради спасения. Женская же проза в русской литературе, обыгрывая христианский стереотип женственности, создает отличный, неидеальный, даже провокационный образ женщины. Рассмотрение следующей темы поможет нам в

дальнейшем при анализе романа «Время женщин» проследить за столкновением или даже, зачастую, смешением гендерных установок (религиозных и «советских») в воспитании девочки, главной героини книги.

3.3. Гендер и женская проза

Елена Чицова – представительница женской прозы: ее главные литературные герои – женщины, их жизнь, проблемы и психология. Роман «Время женщин» повествует нам о пяти женщинах: Гликерии, Ариадне, Евдокии, Антонине и Софии. Само название говорит о том, что в романе на первый план выходит женская судьба. Рассмотрим понятие «женское проза».

Изучение женской прозы невозможно без рассмотрения понятия «гендер». Данный термин начал использоваться в российском литературоведении с середины 90-х годов для осмысления женского творчества. Согласно И. Жеребкиной (Жеребкина 2003: 56), «гендер – это социальный статус, который определяет индивидуальные возможности образования, профессиональной деятельности, доступа к власти, сексуальности, семейные роли и репродуктивное поведение». Джоан Скотт в статье «Гендер: полезная категория исторического анализа» (2001), пишет, что «гендер – это составной элемент социальных отношений, основанный на воспринимаемых различиях между полами» (Что такое гендер, [www](#)). Таким образом, женская проза – это такая проза, которая рассказывает о конструкции женского гендера и модели женственности в обществе.

Серьезные исследования русской женской прозы начали появляться сравнительно недавно. Этому предшествовало появление самой женской прозы как массового явления в конце 80-х начале 90-х гг. XX века. Отдельные произведения женщин-писательниц выходили и в XVIII и в XIX века, но именно конец 80-х годов XX века характеризуется появлением целой серии разнообразных коллективных сборников женской прозы («Женская логика», 1989, «Чистенькая жизнь», 1990, «Не помнящая зла», 1990, «Новые амазонки», 1991 и др.). (Мелешко 2001, [www](#).) Особое внимание тенденциям развития современной женской прозы уделяет Т.М. Колядич. Исследовательница в статье «Тенденции развития современной женской прозы» утверждает, что наиболее яркими представителями женской прозы являются А. Бернацкая, С. Василенко, Е. Вильмонт, Н. Горланова, Н. Калинина, М. Королева, М. Палей, И. Полянская, Н. Садур, Л. Улицкая, Г. Щербакова и др. Н. Нарбикову, Л. Петрушевскую и Т. Толстую, согласно Т. Колядич, также можно отнести к женской прозе по

тематическому признаку, однако не всегда произведения данных авторов связаны тематически и структурно с литературным направлением. (Колядич 2005: 167.)

Главной новацией женской прозы 1980-1990-х годов стал особый женский субъект: женщина заговорила о своей телесности, боли и переживаниях (Абашева, Воробьева 2007: 78). Исследователь современной отечественной женской прозы М. Абашева в монографии «Русская женская проза на рубеже XX–XXI веков» (там же: 82) пишет, что в противоположность официальному советскому мифу о счастливой советской женщине, матери и труженице, творчество писателей-женщин представило шокирующую череду травматических женских образов. К травматическим стратегиям женской идентификации относятся также запретные в советском дискурсе модели материнства как ущербного, «низкого», «телесного» (матери – проститутки, алкоголички). Все это мы видим в произведениях С.Василенко, М. Палей, Н. Горлановой, И. Полянской и др. («История озера Веселого», «Сельва», «День тополиного пуха», «Чистая зона»). (там же: 83.)

Дихотомия активность/пассивность; сила/слабость; интеллект/эмоции; дух/тело; определенность/неопределенность; герой/жертва, связанная с традиционными представлениями о различиях мужского/женского начал, в современной русской женской прозе нарушается, полюса меняются местами. Мужской образ приобретает черты неполноценности, дегеративности. В женской прозе возникает пародийный образ современной мужественности. (Савкина 1996: 63.)

С начала 2000-х годов картина развития женской прозы существенно изменилась. Несмотря на то, что количество женских авторов сейчас увеличилось, никакой провозглашаемой общности принципов «женского письма» не наблюдается. Новых писательниц не занимают «застенки» женского быта и не волнует утверждение значимости пола, как это волновало представительниц женской прозы 1980-1990-х годов. Они представители «голоса поколения», главная их задача выбрать литературную стратегию, ориентированную на читателя, воспринимающего авторскую концепцию. (Абашева, Воробьева 2007: 111.)

В произведениях женской прозы часто рассказывается семейная история, при этом прошлое соединяется с настоящим. Также действие может, например, рассказываться в настоящем времени, а затем переноситься в прошлое. Благодаря такой смене временных планов возникает особый «вращательный ритм». (Колядич 2005: 171.) Женская проза также склонна к обыгрыванию граней условности и реальности. Грань между выдуманным миром (сном, фантазией) и настоящей жизнью (переживаниями героини) размывается, при этом переходы осуществляются легко и незаметно на основе ассоциаций (там же: 173). Таким

образом, мы можем говорить о непростых пространственно-временных отношениях, возникающих в женском творчестве.

Организация топоса в женском творчестве имеет свои особенности. Зачастую местом действия становится дом, офис, школа, больница, родильные отделения, общежития. На первый план выходит вполне заурядная бытовая обстановка, поэтому часто описывается коммунальная квартира или квартира, в которой проживают родственники. Каждый из героев нуждается в собственной бытовой среде, но вынужден приспособливаться к коллективной жизни, что постепенно делает людей похожими друг на друга и внешне и внутренне. (Колядич 2005: 176.)

Мы видим, что тематика и структура романа «Время женщин» Елены Чижовой не абсолютно нова в контексте русской женской прозы. В произведении происходит постоянная смена времен: прошлого и настоящего. К тому же повествование ведется от разных лиц; зачастую стирается грань между выдуманным миром фантазий и реальностью происходящего. Местом действия в романе является дом, коммунальная квартира, где вынуждены уживаться три старухи и молодая женщина с ребенком. Дом в данном произведении вбирает в себя также функции детского сада, школы и больницы.

«Время женщин» – это роман о женской боли, о сломленных судьбах, о травмах, полученных людьми в этой жизни. Ребенок Сонечка – проекция мыслей, поведения, характеров, окружающих ее бабушек и матери. Судьба Софии очень важна для автора: Чижова показывает, как происходит процесс формирования из ребенка творческой, особенной и страдающей женщины. Все повествование романа сконцентрировано вокруг этой девочки, она – центр жизни матери и старух, она и только она держит их на белом свете.

Как мы ранее уже сказали, женская проза показывает тему материнства с новой точки зрения, чем это делали ранее в русской литературе. В романе «Время женщин» также на первый план выходит женская судьба, место матери в воспитании ребенка. Поэтому далее мы обратимся к обзору того, как тема «материнства» представлена в русской культуре, и каким образом женская литература влияет на трансформации гендерного конструкта на уровне материнского начала.

3.3.1. Материнство в русской литературе

Современная русская женская проза ставит под сомнение традиционные стереотипы женственности. Даже образ матери подвергается тщательному реконструированию.

Например, в романе «Время женщин» София имеет не одну биологическую мать – Антонину, но также и трех старух, которые занимают существенное место в процессе ее воспитания. Они становятся крестными девочки, т.е. «матерями, назначенными Богом». Таким образом, у девочки фактически есть четыре матери, каждая из которых представляет свой тип женственности. Все вместе они образуют одно целое, а именно: время женщин.

Тема «материнства» играет важную роль в русской культуре. Елена Гошило в монографии «Dehexing sex» пишет, что русская иконография еще с древних времен формировала национальную идею через фемининные образы. Этнос и национальная идентичность ассоциировалась с вечной женственностью. (Goscilo 1996: 32.) Образ матери в русской культуре имеет несколько ипостасей: 1. Мать Сыра-Земля (языческое божество у древних славян) 2. Родина-мать (мать Россия) 3. Богородица (заступница, Божья мать, мать всего русского народа).

Традиционно матери приписывают душевные свойства мягкости, доброты, покорности и смирения (Шоре 2009: 454). Также страдание, согласно Ранкор-Лаферьеру, является неотъемлемым качеством души русской женщины. Мать страдает все время, если ее любят или ненавидят, боготворят или бьют, если она осуществляет контроль, или ее контролирует супруг. Матери приносят себя в жертву с бесконечным терпением. Они сами спасаются и спасают других людей благодаря своему смирению. (Rancour-Laferriere 1995: 144–145.) Таким образом, мы видим, как христианские гендерные установки влияют на создание образа идеальной матери.

Елена Гошило утверждает что, в художественной литературе, как матери, так и дочери представляют собой прошлое и будущее, т.е. история феминизируется. Семейное древо истории определяется фемининными событиями, так как зачастую отцовство даже не окончательно установлено. Жизнь дочери аналогична судьбе ее матери: дети повторяют ошибки родителей, их слабости и желания, таким образом, они все время возвращаются к «протоженскому» типу существования. (Goscilo 1996: 37.)

Страдание, смирение и послушание традиционно в русской культуре отождествляли с женским характером. С появлением современной отечественной женской прозы образ смиренной матушки деформировался, произошло развенчание мифа о покорной женственности России. Согласно И. Савкиной (Савкина 1996: 63), современные писательницы не лишают своих героинь защищающего, оберегающего материнского начала, однако они деконструируют, усиливают, доводят до крайности, и «материнство в их изображении теряет ореол мягкости, теплоты, идилличности, но предстает как форма власти, собственности и деспотизма». Любящая мать превращается в мучителя и палача, а

отношения ее с ребенком представляют собой не что иное, как изнурительную борьбу не на жизнь, а на смерть. Также происходит трансформация традиционного женского топоса дома, домашнего очага и семьи (Савкина 1996: 65).

Вообще в русской литературе вопрос материнства можно проследить через тему ребенка, детства, мира детской души. Для Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Горького и других русских классиков ребенок являлся мерилем нравственного состояния мира. У писательниц 1980-1990-х годов ребенок присутствовал в произведениях как часть описания страшного женского быта, как жертва ужасов бытия. В начале же 2000-х годов тема ребенка приобретает новый оттенок в женском творчестве: в литературу приходит прямое, «нагое» детское слово.

Появляется все больше юных писательниц таких, как Ирина Денежкина, Ксения Букша, Лулу С., Екатерина Садур и др. В отличие от «травматичной» и закрытой женской прозы 1980-1990-х годов, в современной женской прозе истории энергичные, проблематичные, но все-таки они событийны и оптимистичны, несмотря на неутешительные признаки нашего времени: помойки, бомжи, мат и т.д. (Абашева, Воробьева 2007: 116.) В отношении творчества современных авторов-женщин речь идет не об утверждении в тексте авторского женского «Я», а о его «разыгрывании» в тексте, и в этом также проявляется отличие женской прозы 2000-х годов от творчества писательниц 1980-1990-х гг. (Абашева, Воробьева 2007: 157). Таким образом, мы видим, что ребенок и материнство – тема, к которой обращались и обращаются, как русские классики, так писательницы женской прозы 1980-х и 2000-х гг., но здесь существует разница в подходе к вопросу.

Если мы вернемся к изучаемому нами роману «Время женщин», мы увидим, что ребенок, женская судьба, выбор моделей женственности, материнство, все эти темы находят отражение в произведении. И все они соединены с христианской тематикой. Например, ключевым образом для Е. Чижовой является образ Софии-Премудрости Божией, с другой стороны, в романе появляется языческий образ Матери Сыры-Земли. Поэтому прежде, чем мы перейдем к анализу романа, стоит рассмотреть некоторые, важные для нашей работы аспекты концепта женственности в русской культуре.

3.3.2. Концепт женственности в русской культуре

Философема Софии-Премудрости Божией встречается уже на первых страницах романа «Время женщин». Постепенно данный образ получает развитие в женских нарративах, а

именно в притчах и духовных стихах. Поэтому мы считаем необходимым сделать краткий обзор теоретического материала, касающегося русской философии женственности. Мы обратимся к монографии О. Рябова «Русская философия женственности», где эта тема освещается очень логично и на широком материале.

Философема Софии-Премудрости Божией имеет давнюю историю и связана с мифологическими представлениями об особой мудрости, свойственной женщине или Деве. В русскую культуру идея Премудрости пришла из Византии вместе с православием. Крещение Руси было воспринято Иларионом как явление Софии. Особенности древнерусского восприятия Софии нашли выражение в различных визуальных формах осмысления бытия: в памятниках архитектуры, иконописи, пластики. Софии посвящены храмы в Киеве, Новгороде, Полоцке, Вологде. (Рябов 1999, www.)

О. Рябов пишет, что идея Софии-Премудрости Божией во многих аспектах опирается на воззрения о природе фемининного. София есть начало, посредствующее между Богом и миром, проявляющее качества материнской любви. Она потенциальна и пассивна, что позволяет ей выполнить волю Творца. София порождает мир и выступает всеобщей матерью-материей. Еще один интересующий нас аспект выражается в отношении к греху в софиологии. Падшая София, разделенная с мужским началом, воспринимается как причина грехопадения. (Рябов 1999, www.)

Достаточно вспомнить сюжет грехопадения, чтобы провести параллель между аспектом Софии Падшей и Евой, совершившей первородный грех. Данное библейско-историческое событие имело и имеет сильное влияние на представления о природе и сущности женщины, а вслед за этим, на отношения между полами. Вина за грех была полностью возложена на женщину. Причем вина эта неискупима в мире чувственном. (Орлова 2011: 64.)

Во Введении мы говорили, что рассмотрим в теоретической части семинарской работы, почему смирение и страдание отождествляют именно с женскими чертами характера. Ответ можно найти в подобных интерпретациях: Ева за свое преступление получила Божий приговор, который находится в силе, пока стоит этот мир, а значит остается в силе и вина (Орлова 2011: 65). Таким образом, проступок женщины настолько велик, что ее естественное состояние должно быть наполнено огорчением и покаянием. В этой логике, получается, что спасение женской души будет возможно лишь через ее страдание и осознание глубочайшей вины в греховности всего человеческого рода.

Однако для спасения человечества от оков греховности, для исполнения долга праматери, заключавшегося в искуплении вины первой грешницы, Богом была назначена

другая женщина. Она представляет собой еще один женственный лик Руси наравне с Премудростью: – это Богородица. Любовь Богородицы безусловна: на ее помощь может рассчитывать любой грешник, хотя бы потому, что она является матерью всего христианского рода. Богородица является посредницей между Богом и людьми. Она переживает все грехи человеческие как собственные, что еще раз символизирует силу ее материнской любви. (Рябов 1999, www.)

Ранее мы рассмотрели парадигму материнства с точки зрения религиозно-христианских идей, однако есть еще одна ипостась философы Премудрости, которая сформировалась в мифологическом представлении восточных славян. Мать-сыра земля – русский вариант Великой Богини-матери. Русская земля представляется как живое существо, испытывающее человеческие чувства и являющееся субъектом, совершающим поступки. Дж. Хаббс в книге «Mother Russia» так описывает внешний облик Матери-сыры земли: «Камни были ее телом, корни – ее костями, живые деревья и травы – волосами» (Hubbs 1988: 55). Русская земля – это земля-кормилица, земля-заступница. Русь изображается в облике матери-земли, как женщина она возносит молитвы за «сынов русских», помогая им в сражениях. (Рябов 1999, www.) Мать-сыра земля стонет и плачет, если дети ее находятся в беде, оплакивает их во время голода и сотрясается от человеческих грехов (Hubbs 1988: 55).

Таким образом, мы рассмотрели в этой главе, как философа София Премудрость Божия представлена в русской культуре. Данный теоретический материал поможет нам при анализе сюжета романа «Время женщин», так как аспект Софии встречается в тексте многократно. К тому же образ Матери-сыры земли находит отражение, в так называемых, духовных стихах, которые также занимают важное место в произведении.

Таким образом, мы рассмотрели в главе «Методы и теория» основной теоретический материал, позволяющий нам перейти к анализу романа «Время женщин». Нами была представлена теория мотива, определены основные типы мотивов, которые мы будем использовать в нашей работе. Также мы проследили за связью христианской мысли и русской литературы, и, наконец, представили женскую прозу и главные особенности данного литературного течения. В следующей главе мы обратимся непосредственно к анализу романа.

4. Анализ романа «Время женщин»

В данном разделе нашей работы мы выделим и проанализируем конкретные эпизоды романа, в которых прослеживаются христианские традиции, а также гендерные установки героинь, влияющие на формирование определенного типа женственности в девочке. Мы обратим особое внимание на сюжет романа и на его героев.

Необходимо сразу подчеркнуть, что одни и те же эпизоды в романе могут перекликаться по сюжетной и символической линиям. Например, выбор имени девочки при крещении, с одной стороны, предстает перед нами в канве сюжета, а, с другой стороны, имеет не прямое значение, указывающее на важность этого имени и его символичность в контексте религиозно-христианских ритуалов.

4.1. Христианские мотивы в сюжете романа «Время женщин»

Сначала мы остановимся на христианских мотивах в сюжете романа. К их числу мы отнесем следующие эпизоды романа: крещение Софии, церковь и церковный календарь. Из них особо важными являются события, связанные с церковью и христианскими ритуалами.

4.1.1. Крещение и выбор имени

Впервые в романе мы сталкиваемся с христианскими мотивами в сцене выбора имени ребенка и подготовке к крещению. На наш взгляд, это очень важный эпизод, который необходимо процитировать. Обратим внимание на то, что повествование здесь ведется от лица старух, нарратив транслирует их точку зрения и их дискурс.

Тут, за столом, едва получив ребенка на руки, пришли к согласию: первым долгом – покрестить. Тайком, не докладываясь матери. В этих делах мать – сторона. Слава богу, в Никольском звонарь знакомый. Сам глухой, а все понимает. Согласился переговорить с батюшкой, позвать на дом. По метрикам значилась Сюзанной. Имечко басурманское, прости Господи. В прежние времена срамных девок кликали, чтоб заступниц святых не позорить. А теперь мать родная выбрала – кличку собачью... Думали-думали, листали Святцы. Имен хороших не счесть, но первое попавшее не выберешь. Отец Иннокентий сказал: ищите сообразно метрике. Хоть по смыслу, хоть по заглавной букве. Гликерия чего надумала: может, говорит, Серафимой... Нет. Решили в честь Софии... (Чижова 2010: 17.)

Таким образом, мы узнаем, что девочку звали Сюзанной. Имя ее было не русское, а «басурманское», и к тому же, по мнению старух, не подходило приличной женщине. В 1960-е, 1970-е годы открыто о принадлежности к церкви и вере не говорили, поэтому старухи, которые не являлись «советскими людьми», не решались обсуждать крещение девочки с ее матерью. Они выбрали имя по Святцам, исходя из православной традиции. После совершения Таинства крещения святой, имя которого выбрано ребенку или крещаемому взрослому, становится его небесным покровителем. При этом, если ребёнок назван неправославным именем, то при крещении обычно выбирается созвучное православное имя, и именины у него определяются по православному имени. Например, Дина – Евдокия, Лилия – Лия, Анжелика – Ангелина, Жанна – Иоанна, Милана – Милица. По традиции, Алиса получает в крещении имя Александры, в честь св. стратотерпицы Александры Феодоровны Романовой, до принятия православия носившей имя Алиса. Некоторые имена в церковной традиции имеют иное звучание, например, Светлана – это Фотиния (от греческого «photos» – свет), а Виктория – Ника, оба имени в латинском и греческом означают «победу». (Именины, www.) Рассмотрим основные интерпретации к именам София и Серафима.

Серафима – женская форма от мужского древнееврейского имени Серафим (мн. число от слова "сараф" - жгучий, огненный). Как известно, Серафимами назывались ангелы, составляющие небесное Божье войско (вместе с херувимами), существа с шестью крылами, движение которых приводило в священный ужас. (Серафима, www.)

София – это древнее церковное женское имя. В православной церкви есть икона, именуемая иконой Софии, Премудрости Божией; она символизирует мудрость. На иконе изображается Божия Мать и воплотившаяся из Нее Премудрость - Сын Божий. Под Премудростью (или Софией) разумеется Иисус Христос. Богородица изображается стоящей в храме под сенью, поддерживаемой семью столпами. Она держит Богомладенца, благославляющего правой рукой, а в левой Его руке – держава. Над сенью – Бог Отец и Бог Дух Святой. По обе стороны изображены семь Архангелов, держащих знаки своего служения. (Тайна имени София, www)

Оба имени отображают исключительно христианские идеи. Однако имя «София» соответствует концепту женственности, сложившемуся в русской культуре; данный вопрос мы рассматривали в главе «Концепт женственности в русской культуре». София – есть начало, посредствующее между Богом и миром. София – это всеобщая мать-материя, то есть мать/душа всего живого. При этом вспомним аспект Падшей Софии/Евы, которая в ответе за первородный грех человечества. Богородица, в данной логике, воплощает Премудрость Божию, она – искупительница первородного греха, спасительница

человеческого рода от греховности. Примечательно также то, что выбранное старухами имя не только связано с концептом женственности, но и несет в себе идею материнства, ведь София – не кто иная, как праматерь человечества. В главе «Материнство в русской литературе» мы рассматривали три ипостаси образа матери в культуре русского народа: 1. Мать Сыра-Земля, 2. Родина-мать, 3. Богородица. Итак, София – это мать всего живого, она есть и Богородица (искупительница человеческой греховности), и Мать Сыра-Земля (матерь-материя), и Родина-мать (мать русскому народу). Таким образом, выбор имени «София» в романе «Время женщин» становится обусловленным и понятным.

О значимости данного имени героиня романа Евдокия рассказывала девочке.

Ты, – говорит, – случись чего, дак имя свое помни. Не это – Сюзанна. Это для людей. А для Бога имя тебе – София. Она и заступница небесная. Дева белоснежная, Божья слава. Самая премудрая – мудрее и нет на свете. Бог ей шепнет, а она добрым людям пересказывает. Все передаст – до словечка. А те, кто не слушают, одно уныние в них да глупость. А Софья и не глядит на них: знай себе вокруг смотрит. Наглядится за день, а к вечеру сядет, краски с карандашами возьмет – все как есть нарисует. И леса зеленые, и моря синие, и города разноцветные. Одно слово, художница... (Чижова 2010: 149.)

По словам Евдокии, имя «Сюзанна» – это для людей, а для Бога – только София. Дева София мудрее всех на свете и заступница добрых людей, оказавшихся в беде. Все, что видела за день эта Дева София, она рисовала вечером на бумаге карандашами. Безусловно, в этом нарративе присутствуют элементы сказки, что помогает создавать определенные, яркие образы в голове у девочки. Евдокия словно пыталась конструировать судьбу ребенка на выполнение высокого предназначения по примеру Девы Софии. Вообще не только Евдокия, но и Ариадна, и Гликерия хотели оказания божественного влияния имени на развитие девочки, что, в принципе, в итоге и получилось. Взрослая София поступила в Мухинское училище, стала, в последствии, известной художницей. Картины героини особенные, нестандартные: в них была нарушена перспектива.

Никакая комиссия не признала бы работы, в которой нарушена перспектива, как будто мир поделен надвое: верх и низ. Однажды, когда во Дворце готовили выставку, я попыталась объяснить, что вижу линию, которая идет от края до края – по самой середине листа. То, что внизу, должно оставаться мелким: для этого и нужна перспектива, чтобы оно уходило вдаль. Но там, наверху, все поворачивается, подступает ближе, чтобы мы видели, как оно всплывает обратно – из глубины. Если нарисовать по правилам, так, как полагается, все важное станет плоским – уйдет в землю. (Чижова 2010: 70.)

В основном, при анализе романа мы будем обращаться к нарративам старух, к тому, как они видят окружающую действительность и транслируют это видение. Однако данная цитата представляется нам важной, так как сама София, уже будучи взрослой девушкой,

рассказывала о строении мира с ее точки зрения. Мир героини был поделен на две части: верх и низ. Между этими частями проходила разделительная полоса. То, что внизу, должно было оставаться мелким, уходить вдаль, а верх подступать ближе, всплывать из глубины, а не наоборот; ведь, если сохранить перспективу, то небесное, «важное» потеряло бы смысл и ушло в землю. С одной стороны, мы можем утверждать, что героиня видела мир, разделенный на рай и ад. С другой стороны, ясно то, что София следует в своем творчестве заповедям иконописи, она писала картины-иконы.

В записи беседы с Протоиереем Константином Стратигопулосом (Основные принципы иконописи и богословский анализ иконы Пресвятой Богородицы, www) говорится, что первый основной принцип иконописи – это то, что любая икона отражает события в двух измерениях и никогда в трех измерениях. Согласно Протоиерею (там же, www): «Нечто, изображенное в трех измерениях, выглядит очень правдиво, достоверно, но является самодостаточным, так как, обладая длиной, шириной и глубиной, оно не нуждается в чем-то еще. Однако если кто-то стоит перед иконой и видит только длину и ширину, но не видит глубины, икона заставляет его понять, что в ней чего-то недостает. Обратите внимание: чего не достает в иконе? Глубины. Для чего это нужно? Это нужно для того, чтобы человек, стоящий перед иконой, понял, что той глубиной, которой недостает в иконе, является он сам». Более того, София сама говорила об увлечении иконописью.

В те времена многие увлеклись иконописью, спорили о каноне, о ликах, о небесной дуге. Изучали старые приемы, пытались понять, почему художник использует ту или иную краску: киноварь, золотистую охру или разбеленный краплак... Оказывается, это тоже определялось канонами [...] и я пыталась объяснить, почему канон не имеет отношения к моей жизни – мне трудно следовать традициям, в которых нет ничего личного: своей памяти... (Чижова 2010: 71.)

Таким образом, мы вновь видим, как имя «София» и закладываемые в него ассоциации повлияли на судьбу девочки. София не писала картины по стандартам, она нарушала перспективу, вкладывала личную память в полотно. Она словно проникала сквозь материю реальной жизни и видела другие измерения, уровни человеческого существования.

Старухи не просто так выбрали церковное имя девочке, их целью было крестить ребенка. Ритуал крещения включал в себя кроме выбора имени и собственно обряда, также и выбор крестной матери. Для чего ребенку нужна крестная мать?

Если мы обратимся к идее о первородном грехе, то увидим, что после изгнания из рая человек осознал свою наготу, нечистоту. Продолжение человеческого рода было возможно лишь через, так называемое, «полосочетание», т.е. половой акт. Это значит, что каждый ребенок был и будет зачат в «беззакониях». Поэтому церковью подчеркивается особая роль

крестных родителей, которые имеют духовную, религиозную связь с ребенком в противовес «плотским» родителям.

Сцена выбора крестной матери в романе вызывает противоречивые чувства. Крестная мать в ответе перед Богом за ребенка, поэтому эту обязанность должен выполнять достойный человек. Гендерные установки героинь очень хорошо прослеживаются именно в этом эпизоде: кто есть крестная мать, какие добродетели ей свойственны, а также кто достоин взять на себя такой крест?

Вообще, что значит фраза, «крестная мать в ответе перед Богом»? Согласно учению Церкви, главное обязательство крестного родителя, —не в том, чтобы только присутствовать на Крещении, но и потом помочь воспринятому от купели возрастая, укрепляться в церковной жизни, и ни в коем случае не ограничить свое христианство только фактом Крещения. Как крестный родитель позаботится об исполнении этих своих обязанностей, с него так же спросится в день последнего суда. (Крестные родители, www.)

При выборе самого достойного кандидата на это место Ариадна, Евдокия и Гликерия ушли в «земное» вплоть до обсуждения количества болезней.

Пока решали, чуть не перессорились. Крестная, конечно, одна. Она и перед Богом в ответе. Крестная – родня, а другие, выходит, кто – чужие? Отец Иннокентий примирил. Бог, говорит, со всех вас по очереди спросит. Которая первая пред Ним предстанет, той первой и отвечать.

И смех и грех: болячками стали мериться. У кого сердце больное, у кого ноги еле ходят. Отец Иннокентий говорит: человек сроков своих не знает. Бывает, Господь молодых-здоровых прибирает, а старых-больных не трогает. Разве проникнешь в Его замыслы? Согласились. Вспомнили молодых-здоровых. Своих. (Чижова 2010: 18.)

Евдокия как стояла, лицом помертвела: легко ли сына-младенца увидеть воскресшим... Потом ничего, совладала с собой. Только нельзя, говорит, мне в крестные. Как погляжу на рубашечку, душа чернеет. Ты уж давай, Ариадна. У тебя все – слава богу: муж – на Первой, сын – на Второй, внуки с невесткой в блокаду померли. Все по-людски. (Чижова 2010: 19.)

Где ж, отвечает, по-людски, если во рвах лежат. Пусть уж Гликерия: она не рожала. Граф ее, муж невенчаный, от революции сбежал. Кто его знает, может и теперь живой. (Чижова 2010: 19.)

Итак, решение было принято: крестной матерью стала Гликерия. Гликерия не имела детей, мужа, а значит, она – самая «чистая» из героинь. В данном контексте слово «чистая» не является синонимом слову «безгрешная», а скорее соответствует значению «менее страдавшая». Евдокия и Ариадна имели свои причины отказаться от роли крестной: потеряв своих детей, за спасенные души которых они понесут наказание, героиням очень сложно

было решиться взять новый груз ответственности перед Богом. Ужасно также то, как старухи воспринимали произошедшие события в их жизни и, что для них являлось нормой. «Полюдски» – это когда муж умер на Первой мировой войне, сын – на Второй, а внуки и невестка во время блокады. Но не менее поразительным являлся ответ Ариадны: оказывается ее жизнь прошла не по-людски, но не потому, что она испытала столько страданий, чудовищных потерь близких и любимых людей, а потому, что они лежат во рвах (не воцерковленные, неотпетые священником, далекие от спасения в Царстве Божием)! Гликерия, не имея такого груза за плечами, вполне могла быть крестной матерью, а значит, первой предстала бы перед Богом в ответе за Софию.

Далее по сюжету перед нами предстает эпизод с крестильной рубашечкой.

Рубашечку приготовили, постирали. Кружева ветхие – разложили на полотенце. Пока стирали, побелели вроде. А высохли, все одно – желтизна. Прокипятить бы... Да тоже побоялись: жизнь прошла – расплзется в руках.

Водички согрели заранее. Батюшка говорит: ну, решайте и девочку свою облачайте. Принесли, надели на Софьюшку. Евдокия как стояла, лицом помертвела: легко ли сына-младенца увидеть воскресшим... [...]

Гликерия – восприемницей, обе другие за батюшкой подтягивают. Отец Иннокентий говорит: тихо пойте, чтоб никто не услышал. Кому слушать-то, отвечаем, нет никого. Отслужил хорошо, не пропускал, не частил. Софьюшка умница глазками моргает, прислушивается внимательно, будто понимает. (Чижова 2010: 19.)

Крестильная рубашечка напомнила героям романа ангельское облачение. Даже кружева не просто слежались, а слежались, будто палое перо. Все это, конечно, очень символично, так как по канонам православной церкви считается, что любой человек, а тем более маленький ребенок после крещения является непорочным, как ангел. И вообще дети до семи лет в православной церкви не исповедуются, так как в их чистой младенческой душе нет еще достаточных сил, чтобы противиться греху и воспринимать свои неправильные поступки в качестве нарушений заповедей Господних. Однако важно еще и то, что София, как было сказано ранее, являлась матерью-материей, душой душ! События воскрешают в памяти Евдокии воспоминания об ее умершем внуке. София – искупительница грехов человечества, и в частности, Евдокии... Ведь ее внук умер некрещеным, и она еще предстанет перед Богом в ответе за это. София была ее надеждой на спасение, крещением девочки героиня замаливала свои грехи, и не она одна. Все три старухи вымаливают прощение у Бога через воспитание девочки во Христе.

Таким образом, уже в самом начале романа используется большое количество религиозно-христианской символики. Читатель словно проникает вглубь православной

традиции и уже не может воспринимать роман вне христианского контекста. Понятие «вера» является ключом к пониманию данного произведения.

4.1.2. Церковный календарь и походы в церковь

Православная вера имела большое значение в жизни героинь романа (Евдокии, Ариадны и Гликерии). Формально они жили в Советском Союзе 60-х годов, а на самом деле старухи пребывали в своем, созданном, христианском мире.

– Ложись, – говорит, – пока. Из театра в воскресенье вернешься, а там и Новый год. Наступит, глядь, а у нас уж все готово. Мать пирогов обещала. Мучки новой получим, напекет. Пирожки мягкие, сами в рот прыгают. А за ним и другой праздник – Рождество... А дальше и весна близко – жаворонков станем печь. Напекем, в церковь с тобой сходим: надо и нищих угостить. Не все, как мы, счастливые, чтобы умереть в спокойе. Таких-то мало... (Чижова 2010: 64.)

Данный эпизод наглядно демонстрирует, что жизнь старух текла по церковному календарю, а не по светскому. Они не воспринимали советские праздники как какое-то торжество, это были обыкновенные дни, ничем не отличающиеся от других. Евдокия, Ариадна, Гликерия праздновали Новый Год, а затем и Рождество, а после и Великий пост. Жаворонков пекут в память о сорока мучениках Севастийских. Сорок воинов отказались принести жертву идолам и отречься от Христа. За это они приняли мученическую смерть. Праздник сорока мучеников приходится на Великий пост, служится Литургия, при этом пост послабляется и выпекают жаворонков. (Сорок мучеников Севастийских: история праздника, иконы, обычаи, рецепты, www.) Важная добродетель христианина – жалость к людям, находящимся в нужде. Милостыню следует давать всем просящим, даже, если ты думаешь, что деньги будут использованы неразумно. Однако не всегда милостыня – это жертвование денежных средств, зачастую, человек может поделиться куском хлеба или, как в романе, жаворонками.

Героини, будучи верующими людьми, старались соблюдать пост. Вообще слово «постный» неоднократно встречается в романе.

Картошку слила – ужинать сели. Сами картошки с постным маслицем, Сюзанне – сырок в обертке. Нечего, говорят, картошкой наминаться. Вырастет, успеет еще. (Чижова 2010: 30.)

Евдокия говорит:

– Ребенку разве можно без супа? Ты хоть постного ей свари: картошечки нарежь, морковки. Молочком и забелим. До пятницы долго еще... (Чижова 2010: 42.)

Так-то хорошо вроде: селедочка, огурцы соленые... Кагора бутылку взяла. Картошки наварим. Лучок на постном масле обжарить... Винегрет-то, думаю, не буду – не праздник. (Чижова 2010: 105.)

Нам-то чего? – Евдокия картошку разминает. Маслицем постным полила. (Чижова 2010: 176.)

Рацион героинь был достаточно беден: картошечка с постным маслицем. Только Софию они пытаются баловать, кормить лучше, чем себя. Среда и пятница в православии – строгие дни поста. В среду Иуда предал Господа за 30 сребренников, а в пятницу Господь был распят. Молоко и молочные продукты – скоромная пища, поэтому Евдокия и говорила о том, что можно суп молоком «забелить», так как до пятницы еще далеко. Примечательно, что Антонина, сама того не замечая, вела такой же уклад жизни, как и старухи. Селедочка, огурцы соленые, картошечка, лучок на постном масле – самая настоящая постая еда. Кагор – церковное вино, которое также по праздникам и не в постные дни можно вкушать.

Прогулки с Сонечкой являлись частью повседневной жизни героинь. Однако для нас важно то, что именно во время этих походов по городу, бабушки пытались ввести девочку в мир Церкви.

Меж верстами, в зависимости от погоды, занимались делами. Важнейшее – прогулка. Тут время не суенилось: подчинялось годовому кругу – по-деревенски.

В скверик у Львиного мостика ходили по весне. Весной в садах слякотно – закрывают на просушку. К Никольскому – осенью: под дубами, у ограды, полно желудей. В октябре облетали клены. Ходишь, шуршишь листиками... К ноябрьским – первый снег.

Зимой – тоже к Николе, или в Солдатский садик. Горка высоко-окая... Дети в очередь съезжают – кто так, кто на санках. Санки-то есть. Старые, хорошие. Да свою-то не больно пускали. И гулять приучились в сторонке, подальше от людей. С чужими детьми – беда: «Ой, а девочка ваша что – глухонемая?» Летом свободнее – кто в деревню, кто по лагерям. (Чижова 2010: 17.)

– Мы уж в Никольский, – повязалась, концы заправила. – Санки не давайте – пешком дойдем. (Чижова 2010: 23.)

Перед домом сквер. За ним памятник: к площади передом, к нам – задом. В теплый день дети по перилам лазают. Зимой перила скользкие, леденелые. От него за угол свернем – вон они, купола.

Бабушка за спину взялась. Постоим, говорит, чуток. Прямо с утра немеет, как не своя. Стоит, кругом оглядывается. (Чижова 2010: 24.)

Прогулки с девочкой не были простым развлечением ребенка: бабушки наполняли их глубоким смыслом. Если мы посмотрим маршрут, по которому они ходили с девочкой, то увидим, что, во-первых, все сосредоточено вокруг их дома, во-вторых, особое место во время

гуляний занимает церковь. В зависимости от времени года менялся и маршрут, но неизменными оставались походы в церковь или вокруг нее.

Старухи водили Софию в церковь на причастия, рассказывали о святых и учили правильно молиться. Они пытались сделать ребенка через причастия «причастной» к церковной жизни. Евдокия была очень требовательна и строга. Она рассказывала Сонечке во время прогулок об устройстве храма, а также о тех, кому можно приносить молитву.

– Вот, – учит, – там алтарь. Перед ним ворота царские: отворят, все насквозь видать. Батюшки в алтаре ходят, словно праведники по небу. Вечером служба начнется – паникадила зажгут. Свет тихий, благостный. Оглянешься, душа радуется: золото горит, вспыхивает – так жаром и обольется.

Сходит, принесет свечек, потом за руку возьмет, подведет.

– Свечку, – говорит, – подтопи с исподнего конца. Крепко ставь, чтоб не упала. А глазами не шарь. Прямо на лик гляди. Теперь крестись, пока никто не видит. Да не так, горе: пальцы плотно сложи, сведи в щепотку. Проси Богородицу за души загубленные, грешные. Меня не слушала, может, к бессловесной снизойдет...

Лики строгие, темные. Огни под ними пляшут, бьются на свечах. Бабушка Евдокия говорит:

– Души живые теплятся. Прогорят, старуха черная явится: сметет огарки в подол. Вот и мы так: погорим-погорим и погаснем. Свечи-то до конца сгорают, а люди, бывает, и не до огарков. (Чижова 2010: 25.)

Старухи боялись обучать Софию крестному знаменю, чтобы Антонина не узнала о тайном крещении девочки. Однако в церкви Евдокия показывала, как правильно креститься, при этом страх, что кто-то увидит, и за этим последует наказание, сохранялся. Ранее, когда рассматривался эпизод выбора крестной матери, уже говорилось о том, почему Евдокия не могла взять на себя такую роль. На ее душе лежали большие, незамоленные грехи: дети, внуки, погибшие во время войны и советской власти. Евдокия обращалась к Софии с мольбой, чтобы та просила Богородицу снизойти к молитвам за усопшие, грешные души. Евдокия хотела верить, что бессловесная девочка имела особую связь с высшим миром. При этом в речи героини проскальзывал ропот на «бездействие» самой заступницы-Богородицы в ответе на ее молитвы, что несомненно считается грехом в православной церкви.

Гликерия также водила Сонечку в церковь; девочка любила ходить туда именно с этой бабушкой, так как Гликерия очень добра и не требовала от ребенка многого.

С бабушкой Гликерией лучше ходить. С ней к Николаю-угоднику: «Молись, – учит, – Софьюшка, за странствующих и путешествующих».

Он и в комнате у нее. А под ним огонь – в красной чашке. Бабушка подойдет. Стоит, разговаривает. Шепчет, шепчет. А он молчит. Видно, не умеет говорить.

«Николай, – рассказывает, – Святитель за всех заступается. Кто по морю плавает, кто в лесу заблудится – вот он на путь и наставляет. Во тюрьмах сидящих посещает, в болезни лежащих исцеляет...»

К иконе подведет – объяснит: «Вот, гляди. Вся жизнь человеческая представлена. И на этом свете, и на том. Там-то у них светло. В середине Господь сидит, а по сторонам его – праведники. Жизни прошлой не помнят: по-новому наслаждаются. А зачем им помнить? У них теперь другое, свое...

А внизу-то, – пугает, – ад. Тут уж муки: плач и скрежет зубовой. В аду, небось, грешники. Только Он и к ним спустится – снизойдет. Грешники всякие бывают: кто – закоренелый, а кто и по неразумию. Жизнь, – вздыхает, – как только не складывается – в особенности, пока молодая...». (Чижова 2010: 26.)

Походы в церковь, рассказы бабушки Гликерии раскрывали перед девочкой новый мир: мир икон, святых, праведников и грешников. Девочка уже в раннем возрасте узнала о понятиях «рай» и «ад». В отличие от Евдокии, в речи Гликерии не проступал ропот или недовольство Господом и Божией Матерью, скорее, мы видим некое смирение и грусть по нелегкой жизни, судьбе, которая складывается у всех по-разному. Кто-то вымолит прощение у Господа и будет вечно счастлив, а кто-то по неразумию или осознанно выбирает ложный путь, уводящий от Царствия Божия. Читая данный отрывок, создается впечатление, что Гликерия сомневалась, куда попадет ее душа. Как и для Евдокии София являлась спасением, ключом в Царство Божие, так и для Гликерии, однако она не просила напрямую молитв девочки, а, скорее, смиренно верила в ее заступничество.

На одной из прогулок Гликерия учит Сонечку жизни. Старуха просит девочку запомнить, где находится церковь. Согласно ее словам, церковь – это ориентир, по которому всегда можно найти родной дом. И никогда, никого не нужно слушать, так как люди могут запутать и увести от «правильного» пути.

До Никольского дошли – бабушка Гликерия заглядывает:

[...]

– Ты, – учит, – по грязи не шлепай. Шаг сделаешь – вмиг вступишь. Под снегом-то все спряталось: и какашки собачьи, и гнилье. Вот они и думают, будто грязь в землю ушла. А земля тугая, мерзлая – ихней грязи не принимает. Тебе, – вокруг себя оглядывается, – всего запомнить надо, пока время у нас есть. Дом наш – вон где. А тут собор. Сколько лет ходили, должна уж помнить. Если что, колокольня высокая. Ее отовсюду видно. По ней и равняйся. А из-за канала выйдешь – там другое: через мостик надо идти, мимо львов. Львы-то каменные – что им делается? А людей, – пальцем грозит, – не спрашивай. Мало ли... Запутают, заведут. Я, – утешает, –

буковки твои вышью. Так что на себя надейся – по памяти ступай. (Чижова 2010: 144–145.)

Этот эпизод романа, несомненно, очень символичен. С одной стороны, церковь как физический объект, по которому можно было сориентироваться на улице, с другой стороны, церковь – это, то место, куда Сонечка могла прийти всегда, зная, что она являлась как бы частичкой этого религиозного мира, который принял бы ее в любой ситуации и наставил бы на истинный путь по жизни. Примечательны последние слова Гликерии: София должна была надеяться только на себя и ступать в жизни по памяти! Ранее уже отмечалось, что София, став известной художницей, не могла писать картины по канонам, без вкладывания в полотно личной памяти.

Мы видим, что все слова, действия старух оказывали большое влияние на развитие и становление девочки. Гендерные установки героинь находились под воздействием православной веры, которая определяла, то, как ребенка воспитывали. Однако вера у каждой героини была своя и подход к «спасению в Софии» тоже выражался по-разному. Евдокия просила, даже требовала заступничества девочки перед Божией Матерью, Гликерия же лишь смиренно ждала его. София росла и училась смотреть на окружающую действительность сквозь призму христианства.

4.1.3. Сакральные аспекты мотива немоты и цифры «7»

Мы обратили особое внимание на повторение числа семь в православной догматике, а также неоднократное появление его в романе «Время женщин». Рассмотрим некоторые значения данной цифры в христианстве и, в частности, в православии.

В христианстве «семь» имеет следующие проявления: 1. семь дней Творения; 2. 7 ангелов вострубили в Откровении (8:7 — 11:15); 3. семь христианских добродетелей: целомудрие, умеренность, справедливость, щедрость, надежда, смирение и вера и т.д. (7 число, www.) В православии же цифра «7» приобретает несколько иную интерпретацию: 1. седьмой день недели священный — воскресенье; 2. Иисус Христос воскрес в воскресенье; 3. семь смертных грехов, 4. семь таинств Церкви: крещение, евхаристия (причащение), священство (рукоположение), исповедь (покаяние), миропомазание, брак (венчание), елеосвящение (соборование); 5. семь Вселенских соборов, признаваемых православием; 6. над православными храмами часто семь куполов, символизирующих семь таинств и др. (7 число, www.)

Из сюжета романа мы узнаем о неполноценности развития Софии: девочка обладала немотой. Из-за этого дефекта Антонина не решилась отправить ребенка в детский сад, так как боялась, что врачи загубят ее своим лечением.

Смена закончилась, в местком поднялась.

Зоя Иванна приглашает:

– Садись, Антонина. Что ж ты с дитем своим делаешь? Девке шесть скоро, через два года – в школу. [...] Нормальные детки в садик ходят. Вон внуки у меня: и рисуют, и песни поют, и стишки рассказывают. [...]

– Да нет, – оправдываюсь, – ничего: Сюзанночка и буквы все знает. Читает помаленьку.

– То-то, – говорит, – что помаленьку. А в садике учителя специальные, спектакли ставят. Раз в неделю музыкальное занятие. Разве сравнить? Недавно и в театр кукольный водили, на Седьмое ноября – под праздник. А как они к празднику готовились! Песенки, речевки разучивали. И питание в садике диетическое, разнообразное. Ты ж пойми: девочка твоя – не деревенская. Ей в городе жить.

– Спасибо, – говорю, – подумаю.

– Ты, – торопит, – скорее думай. Время уйдет – упустишь.

[...]

– Ты, – хмурится, – Антонина, вроде и не мать, а мачеха. Тебе дело говорят, а ты – про всякую ерунду. Вот вырастет девка старорежимная, локти станешь кусать, да уж поздно. Ладно, иди пока... (Чижова 2010: 43–44.)

Данный эпизод интересен тем, что в нем появилась цифра «семь». Во-первых, дата праздника – 7 ноября, день Великой Октябрьской социалистической революции. Праздник был действительно важный в советском обществе: детей с малого учили речевкам, песенкам, и закладывали взгляды на жизнь, пропагандируемые государством. Во-вторых, Зоя Ивановна, советский человек, пыталась убедить Антонину в важности детского сада, ведь ребенку пять лет. Еще два года пройдет, и ничего уже нельзя будет изменить, девочка вырастет старорежимной. Почему именно возраст семи лет является решающим?

Семь лет является «пороговым», даже можно назвать его, мистическим возрастом: переход из детства к отрочеству, первая исповедь в церкви. Ребенок начинает уже осознавать жизнь, формируются взгляды на окружающую действительность, на собственную идентичность, происходит процесс опознания греха как нечто нехорошее. Именно поэтому

Зоя Ивановна так переживала, что в Софию не будет заложено во время всего «необходимого».

Однако возникает вопрос, почему девочка была немая, что послужило тому причиной? Возможно, немота является наказанием Божиим за зачатие ребенка в грехе; ведь у Софии не было даже отца, а Антонина, будучи беременной, пила таблетки, чтобы избавиться от ребенка (согласно учению Церкви, нераскаянные грехи дедушек, бабушек и родителей могут отразиться на здоровье, душе будущего ребенка). А может быть, немота – Божие благословение, некая форма юродства. Впервые девочка заговорила в семь лет. Мы встречаем подобный сюжет о немоте ребенка в христианской литературе в житие преподобного Андрея, архиепископа Критского. Мальчик был нем и заговорил после Причащения Святых Христовых Тайн в возрасте семи лет! Примечательно, что святитель Андрей Критский был поставлен архиdiaконом Собора Святой Софии – Премудрости Божией в Константинополе! Символично также и то, что в имени «София» уже заложена цифра «7». Если мы вспомним материал, представленный чуть ранее, то увидим на иконе Софии Премудрости Божией семь столпов и семь Архангелов.

В православии считается, что многие грехи происходят из-за того, что человек праздно и излишне говорит. Например, в романе «Время женщин» героини не раз упоминали о своей излишней болтовне.

– Кабы так... – Евдокия чашкой пристукнула. – Думают, другим вырыли. А потом, глядь, выходит – себе... Ладно. – Клеенку разгладила. – С вами сидеть – греха набираться. (Чижова 2010: 23.)

Евдокия будто расслышала, буркнула сердито:

– У них, у этих... Большевиков. Ладно, – говорит, – ты, знай, молчи. А бабуку старую не слушай. (Чижова 2010: 25.)

Карандаш отложила, прислушалась: нет, не зовут. Снова карандаш взяла. Буквы большие, корявые. Вывела:

БОЛШЕВИКИ

– Что притихла? Рисуешь? – бабушка Ариадна заглядывает. К столу звать. – Ну, покажи, что ты там нарисовала?.. Господи боже мой... [...]

– Ты, Евдокия Тимофеевна, все-таки следи за собой. Твоих ведь речей наслушалась. А представь себе, заговорит?.. Да, не дай бог, еще в школе... [...]

– Ох, грехи наши тяжкие, – Гликерия вздыхает.

– При чем здесь наши грехи?

– Уж и не знаю, – Гликерия петли считает, – что и лучше. При нашей-то жизни: языкастой или уж так, молчком. (Чижова 2010: 27–28.)

Чтобы не совершать грех празднословия, некоторые священнослужители стараются уходить от мирского всеми способами: в том числе, и принимая обет молчания или

безмолвия. Молчание подвижников было выражением их глубокого самоотвержения. Подвиг безмолвия представляется несообразным с природой человека как существа разумно-словесного. Ведь посредством слова изливаются душевные наши радости и делаются от этого как бы полнее и обильнее; со словом проходит скорбь и душевная горечь, и мы чувствуем облегчение. (Столпничество, [www](#).) Безмолствовать — значит закрыть для себя один из источников земных удовольствий. Безмолвие, заключая человека в себе и сосредоточивая внутреннюю его деятельность в нём самом, даёт ему полноту внутренней жизни, особенную крепость и силу духа. «Кроткий язык — древо жизни, но необузданный — сокрушение духа», — говорит премудрый Соломон. (там же, [www](#).)

Таким образом, мы в очередной раз видим, что имя «София» оказывало огромное влияние на жизнь девочки, на ее содержание. В возрасте семи лет София освободилась от «недуга» немоты, как великий святитель православной церкви Андрей Критский. Был ли это на самом деле недуг или Божие провидение? Если опираться на выше сказанные слова о безмолвии, то можно считать немоту скорее Божиим даром, укрепляющим силу духа, раскрывающим полноту жизни. Андрей Критский славил православную церковь, защищал ее на Вселенских соборах от ереси, вел строгую монашескую жизнь. София же являла собой Премудрость Божию, выражавшуюся в безмолвии (святости) и смирении (женственности).

Как ранее отмечалось, на жизнь старух и Софии оказывала особое влияние их вера. Православная традиция в жизни героинь настолько укоренилась, что даже детские сказки были наполнены религиозной тематикой.

4.2. Женские нарративы

Бабушки все время рассказывали Сонечке сказки. Их воспитание являлось словно противовесом тем советским мифам, которые закладывались в детском саду и школе, куда старухи ее пускать не хотели. В романе присутствуют как фантастические сказки, так и христианские, библейские сюжеты, рассказанные как сказки. Мы проанализируем только те, которые соответствуют задачам нашей работы.

Бабушка говорит:

– Вот он, Святой Егорий, отца моего заступник. Ты рядышком садись, вышивай свой цветочек, а я тебе про него расскажу.

«Было это в Ерусалиме, во святом граде. А посторон святого града – три царства беззаконные: Содом-город, Гоморгород и третьье – безымянное. Вот Господь глядел-глядел на беззакония и послал Содом и Гомор сквозь землю. А на третьье царство напустил змея лютого. Приползает змей на соборную площадь и кричит страшным

голосом: подавайте мне по человеку с каждого города! И осталось у них совсем мало людей...» (Чиждова 2010, 39–40.)

Гликерия рассказывала Сонечке сказку о злом змее и трех царствах. И вообще стоит отметить, что данную сказку правильнее было бы обозначить как духовный стих, что мы и будем делать в дальнейшем. Дадим определение термина «духовный стих».

Духовными стихами в русской народной словесности называются песни, чаще всего эпические, на религиозные сюжеты, исполняемые обыкновенно бродячими певцами (преимущественно слепцами) на ярмарках, базарных площадях или у ворот монастырских церквей. Многие из этих стихов с XVII века уже записывались в песенные сборники, дошедшие до нас в большом числе. Чисто народные стихи сложены в размере тонического русского («былинного») эпоса, резко отличаясь, при этом, от былин не только содержанием, но и словарем и всем эпическим клише. (Федотов, www.)

Как пишет Федотов в книге «Стихи духовные» (Федотов, www), исследования показали, что в основе духовных стихов всегда лежали книжные повести, более или менее церковного происхождения (жития, проложные чтения и апокрифы). Следовательно, первоначальными авторами стихов должны были быть люди или книжные, или, по крайней мере, если не начитанные, то наслышанные в церковной письменности.

Содержание духовного стиха чаще всего есть песнь о страданиях героя: Христа, Адама, Лазаря, мученика, аскета. Особенно излюблены народом два типа страдальцев: юные страсотерпцы и страдальцы-матери: Рахиль, Милосливая жена, Богородица. Наряду с космологическим и эсхатологическим интересом (Голубиная книга, Страшный Суд) тема безвинного страдания стоит в центре религиозного внимания певца. (Федотов, www.)

Таким образом, мы рассмотрели, что такое духовный стих, однако почему именно это сказка, рассказанная Гликерией, является духовным стихом? Существует сборник русских народных духовных стихов; он называется «Голубиная книга». В его состав входят разные сказания, однако обратимся к духовному стиху под названием «Егорий, царевна и змей».

Посторон святого града Иерусалима
На земли было три царства беззаконных:
Первое царство был Содом-город,
А второе царство был Гомор-город,
А третье было царство Рахлинское.
На ихнее беззаконие великое
Да не мог на них сам Господь смотреть.
Содом и Гомор Господь сквозь земли прослал,
А на этое третье царство, на Рахлинское,
Напущал Господь Бог на них змея лютого.

Давали они со города скотиною
Ко лютому змею на съедение
И ко пещерскому на прожрение.
Во граде скота у них мало оста лося:
Давали они со града по головы,
По головы человеческой
Ко лютому змею на съедение,
Ко пещерскому на прожрение.
[...]
У нас есть с тобой кем заместиться,
У нас есть с тобой дитя единое:
Она единая дочь немилая,
Она верует веру все не нашую,
Богу молится она распятому.
Отдадим мы Олексафию ко лютому змею,
Ко лютому змею на съедение,
Ко пещерскому на прожрение.
[...]
На ложницу она спать не ложилася:
Всю темную ночь она Богу молилася,
Молилася она Спасу пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью, свету, Храброму.
[...]

Поведиткась, Олексафия, змея лютого
Во свое во царство Рахлинское.
Скажи батюшке царю Агапию,
Пушай поверует веру христианскую,
Пусть состроит он три церкви соборные.
Ежели не поверует он веры, христианския,
Ты пусти змею на свою волю... (Голубиная книга, www.)

Вспомним, что Гликерия начинала свой рассказ со слов о Святом Егорие – заступнике ее отца – известном также под именем «Георгий Победоносец». Георгий Победоносец – христианский святой, великомученик. На иконах он изображается сидящим на белом коне и поражающим копьём змея. Это изображение основано на предании и относится к посмертным чудесам святого великомученика Георгия.

Согласно преданию (Святой Великомученик, www), недалеко от места, где родился святой Георгий, в городе Бейруте, в озере жил змей, который часто пожирал людей той местности. Суеверные жители той местности для утоления ярости змея начали регулярно по жребию отдавать ему на съедение юношу или девицу. Однажды жребий выпал на дочь правителя той местности. Ее отвели к берегу озера и привязали, и она в ужасе стала ожидать появления змея. Когда же зверь стал приближаться к ней, вдруг появился на белом коне

светлый юноша, который копьем поразил змея и спас девицу. Этот юноша был святой великомученик Георгий. Таким чудесным явлением он прекратил уничтожение юношей и девушек в пределах Бейрута и обратил ко Христу жителей той страны, которые до этого были язычниками. Данное сказание часто толкуется иносказательно: царевна – церковь, змей – язычество. Также это рассматривается как победа над дьяволом, которого иначе в православии называют «древний змий».

Однако мы видим не только змея, но и узнаем о трех царствах греха: библейских Содоме, Гоморре и каком-то безымянном (изначально, в духовном стихе, Рахлинское царство – выдуманное название). Обратимся к библейскому сюжету о Содоме и Гоморре:

И пришли те два Ангела в Содом вечером, когда Лот сидел у ворот Содома. Лот увидел, и встал, чтобы встретить их, и поклонился лицом до земли [...]

Еще не легли они спать, как городские жители, Содомляне, от молодого до старого, весь народ со всех концов города, окружили дом и вызвали Лота и говорили ему: где люди, пришедшие к тебе на ночь? выведи их к нам; мы познаем их. [...]

Тогда мужи те простерли руки свои и ввели Лота к себе в дом, и дверь заперли; а людей, бывших при входе в дом, поразили слепотою, от малого до большого, так что они измучились, искав входа.

Сказали мужи те Лоту: кто у тебя есть еще здесь? зять ли, сыновья ли твои, дочери ли твои, и кто бы ни был у тебя в городе, всех выведи из сего места, ибо мы истребим сие место, потому что велик вопль на жителей его к Господу, и Господь послал нас истребить его. [...]

Солнце возшло над землею, и Лот пришел в Сигор.

И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастания земли. (Бытие, 17–18.)

Содом и Гоморра – два города, которые были ничтожены Господом за грехи людей, обитавших в них. В данной библейском сюжете мы узнаем о праведном Лоте и его семье, а также о том, как он с дочерьми был спасен ангелами по воли Божией. Все остальные люди погибли от серного и огненного дождя.

Можно предположить, что в рассказе Гликерии третье неназванное царство греха – это Советский Союз. Люди потеряли свою веру в Господа и обрели новую веру в коммунистическое светлое будущее. Возможно, поэтому их царство постигло несчастье, наказание в виде змея лютого, который только и делает, что «съедает по человеку из города». С одной стороны, данную фразу можно трактовать в прямом значении, то есть змей, пожирающий людей, – это война, репрессии, унесшие огромные количества человеческих жертв. С другой стороны, змей – безбожие, уход от веры, отрицание спасения в Боге. Вспомним сюжет о Святом Егории и его победе над змием (царевна – церковь, змий – язычество, безверие).

Примечательно то, что данная сказка была рассказана бабушкой совсем еще маленькой Софии (в возрасте 5 лет). Гликерия обратилась к жанру духовного стиха, так как ребенку понять и прочувствовать его содержание проще, чем, например, если ознакомить с данными библейскими легендами через чтение Библии. Он более «народен», прост в понимании. Мы обратились к тексту еще одного духовного стиха. Чуть позже объясним почему, однако сначала приведем цитаты из него.

Егорий Храбрый

Во граде было в Иерусалиме
При царе было при Федоре,
Жила царица благоверная
Святая София Перемудрая.
Породила она себе три дочери,
Три дочери да три любимые,
Четвертого сына Егория,
Егория, света, Храброго

[...]

Я умру за веру христианскую,
Не покину веру христианскую!
Не буду веровать латынскую,
Латынскую бусурманскую,
Не буду молиться богам твоим
кумирским,
Не поклонюсь твоим идолам!»
На то царище распалется,
Повелел Егорья, света, мучити
Он и муками разноличными.

[...]

Мучители все утомилися,
Ничего Егорью не вредилося,
Егорьево тело соцелялося.

[...]

А во церькви во соборной,
Во соборной, богомольной
Стоит его матушка родимая
Святая София Перемудрая,
На молитвах стоит на Иисусовых:
Она Богу молит об своем сыну,
Об своем сыну об Егорию.

[...]

Государыня моя матушка,
Святая София Премудрая!
Воздай мне свое благословение,—
Поеду я по всей земле светлорусской
Утвердить веру христианскую! (Голубиная книга, www)

Прочитав данный духовный стих, мы поняли, что совпадения не закончились. Святой Егорий рожден Святой Софией Премудрой! Гликерия, будучи крестной матерью, обрела духовную связь с Софией, но связывающая их «ниточка» намного прочней, чем кажется на первый взгляд. Заступник отца Гликерии был не кто иной, как Святой Егорий, а у Софии – Дева небесная Премудрая. Вспомним слова Евдокии о том, как имя влияет на судьбу девочки: для людей она – Сюзанна, а для Бога – София. Дева София Премудрая – мать Святого Егория, вот и появление некоей родственной связи между Гликерией и Софией.

Однако вернемся к тексту духовного стиха. Святой Егорий взял на себя проповедь веры христианской по земле светлорусской, но прежде этого попросил благословения Святой Софии Премудрой, своей матери! Он идет смело вперед со словом Божиим, претерпевает страшные мучения от рук царя-язычника, но по молитвам матери о сыне Святой Егорий остается невредим. Вновь, как мы видим, появляется мотив заступничества Софии, молитв, которые спасли героя, и на которые так надеялись старухи.

Гликерия учила Софию молиться, водила в церковь. Героиня рассуждала также о душе и ее спасении. Нераскаянная душа не попадет в рай к Господу, кто-то совершает ошибки не ведая того, а кто-то и целенаправленно, не желая меняться. Сюжет о Содоме и Гоморре, а также о третьем царстве отражает данное понимание. Люди погрязли в грехах, отошли от веры, забыли о раскаянии в своих проступках перед Богом. Следствие беспечной жизни – наказание в виде огненно-серного дождя, истребляющего все живое на своем пути. Наказанием служит также и змей лютой, попущенный Богом за безверие человеческое. Таким образом, данная сказка несла поучительный характер, показывала девочке необходимость пребывания с Богом, в Боге и покаяния в своих грехах.

Рассмотрим еще один духовный стих, рассказанный Гликерией. Он звучит следующим образом:

«Как расплачется душа, как растужится. Перед Спасовым стоит перед образом. Как же трудно ей, душе, с белым телом расставаться – в даль небесную уходить, да за три горы. А за первой-то горой там смола кипит – смола черная да липучая. Али хочешь ты, душа, во смоле сидеть? Она плачется, отбивается. Как услышал Господь, сам расплакался. Посылает навстречу двоих ангелов. Вот идут они дорогой небесною – повстречали ее, взяли под руки. Что ж ты, спрашивают, душа, мимо раю прошла? Мимо раю прошла – не заглядывала... Опечалилась она, клонит голову. Обращает речь к божьим ангелам. Я б и рада к вам в кипарисный рай. Да грехи мои нераскаянные. Чем я, грешная, оправдаюсь? Окаянная, чем порадуюсь? Отвечают ей божьи ангелы. Ты не плачь, душа, оботри слезу. Кабы нам судьба на земле прожить, уж и мы б, небось, грех извели...». (Чижова 2010, 177.)

Прежде чем мы перейдем к анализу данного отрывка, обратим внимание на два духовных стиха из «Голубиной книги»: «Плач души» и «Стих о душе грешной».

Плач души

Тужит-плачет душа наша
Перед Стасовым перед образом,
С чем прийти нам, подъявитися
На Страшной суд нам на праведной,
На второе на судное пришествие.
Не поможет душам нашим
Ни злато, ни серебро,
Ни именье, ни богатство,
Ни цветное наше платие,
Ни прелесть нам лицемерная,
Ни скупость нам лукавая,
Ни гордость безумная.
Толико помогут душам нашим
Все дела, дела наши добрые.
Смирение, большое наше терпение,
Слезы с плачем, с покаянием,
Есть поклоны наши полуночные,
Тихомирна тайная милостыня.
Славен Господь Бог прославился
За великое имя Господне! Аминь. (Голубиная книга, www)

Стих о душе грешной

У раю у пресветлого
Пролежала путь-дороженька.
Шли-пошли два ангеля,
За собой ведут душу грешную,
беззаконную.
Денноет ангиль проглаголовал:
«Что же ты, душа, мимо раю
прошла,
Да во рай не зашла?
Али ты, душа, за скупостью,
Али за глупостью,
Али за спесью, душа,
Али за гордостью?»
Ничего-то душа не ответила,
Сама только прослезилася.
Денноет ангиль проглаголовал:
«У нас во раю хорошо житье,
Хорошо житье, житье доброе:
Травы-те растут шелковые,
Цветы-те цветут лазоревые;
У раю стоят древа кипаристовые,
На древах-то сидят птицы райские
И поют стихи херувимские;
Во когтях-то держат дела добрые,
книги златые,
Читают оне страсти-ужасти».

В раю душенька взвеселилася,
Со Христом с женихом обручалася,
Золотым венцом венчалася. (Голубиная книга, www)

Если мы сопоставим эти два духовных стиха со стихом, рассказанным Гликерией, то увидим, что последний состоит из отдельных, выбранных фраз, как бы совмещая в себе «Плач души» и «Стих о душе грешной». Создается впечатление, что Гликерия рассказывала Сонечке о своей жизни, о нераскаянных грехах и о желании оказаться в Царствии Божиим. При этом в речи Гликерии не было ни слова из первого духовного стиха о смирении, слезах покаяния, полуночных поклонах. Ее душа не плакала, а лишь опечаленно клонила голову. Далее мы видим еще одну примечательную фразу, ангелы утешают душу словами: «Кабы нам судьба на земле прожить, уж и мы б, небось, грех извели...» (Чижова 2010, 177). Эти слова отражают истинное понимание веры Гликерией. Оно не канонично.

Русская Православная Церковь подчеркивает важность смирения и покаяния. Женское смирение – особое; женщина, как хранительница домашнего очага, семьи, должна быть где-то мудрее мужа, сдержанной и покорной, то есть смиренной. Покаяние верующего человека должно исходить от всего сердца, иначе, можно сказать, «сердце обливается слезами покаяния», при чем покаяние должно быть постоянным, непрекращающимся, как свойство характера, как непреложная истина, ведь человек совершает бесконечное множество грехов в течение одного дня. Данные свойства души (смирение и покаяние) являются первостепенными для православного христианина. Вернемся к словам Гликерии.

Героиня реконструировала по-своему каноническое представление о спасении. Гликерия не имела мужа, детей. Однако она была крестной матерью. Крестная мать, как мы помним, предстанет первая в ответе перед Богом за душу крестника/крестницы, а значит, и воспитывать ребенка надо как христианина, что старуха и пыталась делать. София – путь к спасению в царствии Божиим. Чуть ранее было замечено, что в духовном стихе Гликерии не говорилось ни слова о смирении, покаянии и ночных поклонах. Гликерия верила в то, что спасение ее души было возможно через девочку, таким образом, такие непреложные истины, как: покаяние, смирение – отошли на второй план и потеряли свою значимость. Христос был на земле человеком, он прошел все испытания, однако остался безгрешен. Богородица, по преданию Церкви, также была безгрешна, даже после зачатия ребенка. Таким образом, Гликерия занималась самооправданием, меняя текст духовного стиха.

В теоретической части нашей дипломной работы мы писали, что, по церковным представлениям, мать спасает себя и других членов семьи бесконечным смирением. Главные

свойства души, приписываемые женщине, – мягкость, доброта и смирение. Мы можем сделать вывод, что в Гликерии есть и мягкость, и доброта, но смирение героини проявлялось в несколько пассивной форме, словно она ждала прощения от Господа за заслуги в воспитании Софии.

Примечательно также и то, что София являлась душою душ, ипостасью Богородицы, а также Матерью-сырой землей. Создается впечатление, что душа в романе приобрела женские характеристики, воплотила в себе женственность. И этому объяснение можно найти в мировоззрении старух, которые верили в Софию и ее заступничество, связь с Господом на духовном уровне. В романе есть еще одна причина, которая привела к отсутствию традиционного понимания смирения и прощения за грехи. Вспомним духовный стих о Святом Егории. Святой Егорий спас царевну от злого змея, а старухи девочку от губительного влияния советской идеологии. Царевна – церковь, змей – язычество. В такой логике, София – церковь, спасенная от язычества советского общества. Недаром, в православии говорят о том, что человек есть Дом Божий. Также существует понятие о небесной церкви в качестве невесты Христовой. А значит, София есть высшее единение души (невесты, которая женственна) и спасения (Христа).

[...]

В раю душенька взвеселилася,
Со Христом с женихом обручалася,
Золотым венцом венчалася. (Голубиная книга, www)

Героини романа совершали подвиг во имя Божие, а значит, выкупали прощение за свои грехи.

Таким образом, мы рассмотрели в этой главе женские нарративы, в которых широко представлены христианские мотивы. Воспитание Софии отличалось от воспитания советского ребенка, прежде всего потому, что на месте советской идеологии царил христианская мораль. Между героинями существовала прочная родственная связь на духовном уровне. Особенно очевидно это в случае с Гликерией (крестной матерью) и Софией (крестницей). Старухи считали своим долгом воспитать девочку в лоне Церкви, а тем самым, «заработать» себе прощение у Господа за свои грехи. Мы познакомились с духовными стихами, рассказанными Гликерией и их содержанием. Гликерия рассказывает их со своей точки зрения, то есть, пропуская какие-то моменты и привнося в текст собственное видение устройства мира, как например, строки об ангелах и грехе. Духовные стихи героини очень красочны, более просты в понимании, чем первоисточник сказаний, Библия, поэтому

София слушает их внимательно, проникаясь мыслью, обретая личную память, о которой когда-то во время прогулки говорила ей Гликерия. Сюжет о нераскаянной душе дает также повод задуматься о гендерной стороне вопроса. Душа приобретает черты жественности. Смирение ее велико, чего однако нельзя сказать о покаянии. Фемининность души в стихе подчеркивает протоженский тип существования героинь в романе. София являлась носителем исторической памяти.

4.3. Символическая роль христианских мотивов

Символическая роль христианских мотивов тесно переплетается с сюжетом произведения, поэтому во время анализа текста, мы уже упоминали о неоднозначности трактовки отдельных эпизодов. В романе «Время женщин» символически обладают, например, мотивы рая и ада, чуда и греха, а также мотив потустороннего мира в воображении ребенка.

4.3.1. Мотивы рая и ада

Образы рая и ада встречаются в романе часто. Евдокия, Аридна и Гликерия имели свое представление о жизни после смерти. Они, будучи воцерковленными людьми, воспринимали жизнь через призму веры.

Советская власть старухами отождествлялась, зачастую, с бесами, нечистой силой. В то время открыто о принадлежности к церкви не говорили, хотя бы потому, что это было опасно. Поэтому старухи делали все возможное, чтобы передать Софии понятие о рае/аде таким образом, чтобы этого никто посторонний не узнал. Даже Антонина не была посвящена в тайну Крещения ребенка. Героини боялись последствий, которые могут случиться из-за их «старорежимности», веры, на это были свои причины.

Евдокия рассказывала:

«Рубашечка крестильная у Евдокии Тимофевны нашлась. Долежала в комодке эва с каких времен. От Василия, сына старшего. Его уж и кости истлели, а рубашечка жива. [...]

Внуку не пригодилась. Сын с невесткой не дали: у нас, дескать, своя вера.

Сын-то в начальники вышел. «Я, – гордился, – нынешним не чета. С самой Гражданской с большевиками».

Тайком побоялась. Жизни их навредить.

Новую жизнь, смеются, строим, а вы, мамаша, норвите. Тащите в царское прошлое. Вроде на обратную дорогу. Нету пути обратного, а религия ваша – опий.

И чего выдумывают? Опий-то в аптеке продается – выписывают, когда от боли. И невестка – туда же. Вы, мамаша, вокруг себя оглянитесь. А мне, говорю, поздно оглядываться. Вы и оглядывайтесь. Вам этой жизнью жить. Не успели оглянуться, пришли за ними. Так и сгнули – в своем коммунизме. Спасибо, хоть внука не забрали: та бабка взяла». (Чижова 2010, 18–19.)

Как мы видим, представители советской власти, в данном случае, сын Евдокии, религию воспринимали, как наркотик, опий и отождествляли ее с царским режимом. Наступило новое время, к власти пришли другие люди, началось строительство коммунистического светлого будущего. Евдокия не решилась тайно крестить внука, навредить жизни сына и невестки. Каким образом она могла навредить им? Здесь есть намек на репрессии, проводимые в советское время. «Все – кто не с нами, против нас». Возможно, именно последствий Крещения внука Евдокия боялась, узнают – накажут. В итоге, сын с невесткой были убиты, независимо от действий героини, а внук так и погиб позже некрещеным, за что Евдокия понесет еще ответ перед Господом. Как мы видим, советская власть забирала не только старорежимных, но и своих, борцов за коммунизм; это внушало героиням страх, который оказал влияние на всю их жизнь, вплоть до того, что было табу во время разговора.

В эпизоде прогулки Евдокии с Сонечкой до церкви впервые появляется образ нечистой силы:

«Вчера, на Офицерской, гляжу, опять копают. Яму огромную вырыли, пар из нее – клубами. Софью веду, батюшки, нечистая сила: из-под земли-то голоса. Кто ж это там – в кипятке?[...] Напугаешься тут. Бесы, прости Господи! Роют, роют. Скоро насквозь расковыряют. Не сидится им на земле».

[...]

– Вот и перед войной, – Евдокия за щеку взялась, – тоже все рыли. Иду как-то, думаю – и чего роют? Ох, ведь дороются. Невестке сказала. А та губы дует: трубы, говорит, прокладывают. При царе, говорит, не заботились, чтобы во всех домах – вода.

[...]

А мы, невестка мечтает, везде трубы поменяем. И поезда под землей пустим. Смеется... (Чижова 2010, 22–23.)

Данный эпизод очень символичен, перед читателем предстает образ самого настоящего библейского ада. Советские рабочие, создающие «окно» в будущее, предстали в глазах Евдокии как бесы, нечистая сила. Они рыли вглубь, да так, что вокруг стоял пар клубами и все было в кипятке. Перед нами нарисована сцена мучений человечества, словно бесы подливают кипятка в котлы, а люди варятся в них. Евдокия вспомнила разговор с невесткой. Невестка верила в лучшее будущее, в государство, которое в отличие от царя, начало заботиться о своих гражданах, даже поезда под землей должны были пустить. Безусловно, и эта идея покорения подземного пространства воспринималась старухами

скептически, ведь все, что не на земле, а под ней, олицетворялось с бесовским царством. Старухи также вскользь проронили фразу о жесткости системы, или, скорее, последствиях советской власти.

– Раньше, до войны, – Гликерия вспоминает, – часто смеялись...

Евдокия сморщилась:

– Уж это они мастера. То смеются, то землю роют...

– Господи, – Ариадна вздыхает, – сколько же рвов безымянных... Как представлю, сколько с блокады осталось...

– С блокады!.. А канал?

Гликерия перекрестилась:

– Народу больно много. Одни роют, другие в землю ложатся.

– Кабы так... – Евдокия чашкой пристукнула. – Думают, другим вырыли. А потом, глядь, выходит – себе... (Чижова 2010, 23.)

Люди строили светлое будущее, рыли могилу старому, сами при этом в какой-то момент становясь жертвами нового режима, как, например, дети Евдокии. Приведем еще несколько цитат старух, раскрывающих их отношение к советской власти.

Евдокия ворчит:

– Газеты, радио – все им мало. Теперь телевизор выдумали. Скоро в яйцо куриное заберутся.

– Зачем же так, – Ариадна ее укоряет. – Разве плохо передачу хорошую посмотреть?

– А ты, гляжу, за долгую жизнь не насмотрелась... А мне уж хватит. Сын мой тоже. Газеты все читал. «Надо, – говорит, – мамаша, всегда быть в курсе». Ага, думаю... Только курс-то ихний известный: читай, не читай – все одно не минует.

– Тебя послушать, до сих пор бы жили в каменном веке. Так лучину бы и жгли.

– Ну и жгли бы, – Евдокия плечами пожимает. – Кому она мешала – лучина-то? (Чижова 2010, 45.)

В данном эпизоде мы видим разницу во взгляде на жизнь Евдокии и Ариадны, старорежимность героинь имело разный оттенок. Ариадна не была против новшеств, технологических изменений, таких, как телевизор, Евдокия же очень консервативна и отвергала все, что связано с новой властью. Испытав в жизни столько потрясений, потерю близких людей, она более не верила в курс на светлое будущее, а скорее ожидала чего-то плохого, то, что не минует...

Вообще, в романе Ариадна была представлена скорее как христианско-светская бабушка. Она рассказывала Софии лишь деткие фантастические сказки, например, о русалочке, но не духовные стихи, не библейские истории. Ариадна также не водила девочку в церковь, да и вообще о Боге не много говорила. Однако героиня была скромна, очень добра и никого не осуждала. В романе мы не найдем ни слова осуждения или порицания каких-то конкретных лиц. Евдокия же, как мы ранее отмечали, и видим вновь, была быстра на горькие, саркастические высказывания. В этих героинях представлены два типа

женственности: Ариадна – добрая, образованная, смиренная, Евдокия же – бунтующая, строгая и далекая от понятий прощения и смирения. Внутренний мир девочки формировался под влиянием четырех женщин: мамы и трех бабушек. О характере Гликерии мы ранее писали, также выше было рассмотрено принципиальное различие во взглядах Евдокии и Ариадны. От каждой из бабушек София получала частичку личной памяти. Однако как образ матери повлиял на характер девочки? Данный вопрос мы рассмотрим позже, а сейчас вернемся к словам старух о советском режиме.

– Правда, – Евдокия задумалась. – Невестка в туфлях ходила. Тоже барыня... Бурки-то не наденет. В своем магазине брали – для партийных. Я ей: «Хорошо, – говорю, – живете. Будто особые. Видать, из другого места родились». А она мне: «Это, – мол, – за партийные заслуги». А я: «Ну-ну, гуляйте, пока воля ваша. Все, вишь, у вас особое. Кроме смерти». А она смеется: «Нам, – дескать, – смерть не ко времени... Ну ее к богу, эту вашу смерть»... (Чижова 2010, 56.)

Данный эпизод наглядно демонстрирует восприятие рая советским человеком и старухами. Для героинь рай наступает после смерти, а для советского человека рай на земле в коммунистическом обществе. Партия заменила христианские идеалы, страх Божий превратился в почитание вождей советской власти.

Старухи разными способами приобщали Софию к церкви: духовные стихи, походы в церковь, рассказы о святых. Во время походов в церковь бабушка Гликерия объясняла Софии разницу между раем и адом:

«К иконе подведет – объяснит: «Вот, гляди. Вся жизнь человеческая представлена. И на этом свете, и на том. Там-то у них светло. В середине Господь сидит, а по сторонам его – праведники. Жизни прошлой не помнят: по-новому наслаждаются. А зачем им помнить? У них теперь другое, свое...

А внизу-то, – пугает, – ад. Тут уж муки: плач и скрежет зубовой. В аду, небось, грешники. Только Он и к ним спустится – снизойдет. Грешники всякие бывают: кто – закоренелый, а кто и по неразумию. Жизнь, – вздыхает, – как только не складывается – в особенности, пока молодая...». (Чижова 2010, 26.)

Гликерия описывала девочке рай, рассказывала о том, какая благодать ждет спасшихся, праведников. У них начнется новая жизнь, прошлой жизни они не помнят... Возможно, София забыла свою жизнь/детство, когда переступила порог семи лет. Ангельский период безгрешности закончился, девочка выросла и стала осознавать свои грехи как нечто плохое. Однако до того, как София заговорила, она была словно причастная к райской праведной жизни. Ад был описан Гликерией, как место плача и скрежета зубов. Туда попадают только грешники, то есть люди, не раскаявшиеся в своих грехах. Грешники бывают разные: закоренелые и по неразумию. Но Господь милостив, снисходит и на таких людей. Вспомним духовный стих Гликерии о нераскаявшейся душе, а также слова Ангелов о

тяжкой жизни на земле. Гликерия вновь привнесла в рассказ свое понимание спасения, обретения рая человеком. Таким образом, у девочки закладывался особый пласт в восприятии действительности: она не будет оценивать людей «хороший – плохой», «коммунист – старорежимный», а, скорее, «праведный – грешный».

Ранее мы сказали, что советский человек искал рай на земле, а верующий – в царствии Божием. Рассмотрим более подробно, как в романе представлен советский рай. Антонина – советская женщина, с первого взгляда далекая от веры, «старорежимности». Однако все не так однозначно. В главе «Церковный календарь и походы в церковь» отмечалось, что сама того не понимая, Антонина вела христианский образ жизни: соблюдала постный режим, частично это связано с недостатком денежных средств. Даже на праздник она планировала сделать скромную, постную пищу: лучок, селедочку, кагор церковный. Образ жизни героини напоминал, скорее, безропотную мученицу.

Так и повелось: сама на работу, с работы – по магазинам, там отстоять, тут отстоять, и дома вроде прислуги. Постирать на всех, убрать, сготовить. Пенсии у них – слезы. Свои приходится докладывать. Зато дите как принцесса. Почитай, три няньки на одну – и присмотрена, и причесана. Гуляют, книжки читают. Учат, кому сказать, по-французски. (Чижова 2010, 56.)

Антонина работала часто в несколько смен, ходила за покупками, выстаивала очереди на получение продовольствия, готовила, убирала, помогала старухам мыться, стирала белье и так далее. Героиня была ответственна за все хозяйственные работы по дому, к тому же она была еще и матерью. Образ мыслей героини, ее поступки, осмысление ею греха как нарушение заповедей Божиих дают нам основание полагать, что Антонина все-таки более относилась к лагерю «старорежимных» старух, нежели советских людей, таких как Зоя Ивановна. Однако более подробный анализ данного представления мы осуществим в следующей главе «Мотив чуда и греха».

Второй явный представитель советской власти в романе – Зоя Ивановна. Героиня очень переживала за неполноценность воспитания Сонечки и все время подчеркивала в разговоре с Антониной опасность такого воспитания.

Седьмой год ребенку, а все дома сидит. Детки в ее возрасте и песни поют, и сказки рассказывают. Младший мой, и пяти ему нету, а все про дедушку Ленина помнит. Рассказы им читают: и про героев, и про войну. А ваша – что? Потом-то уже и не восполнишь. Детская память цепкая. Что отложится, то уж на всю жизнь. Семь лет-то эти самые решающие. Что заложим, то и будет. (Чижова 2010, 151.)

Вспомним материал, представленный в главе «Сакральные аспекты мотива немоты и цифры «7». Семь лет – решающие, все, что заложено в ребенка до этого момента, останется с ним навсегда. Даже если воспоминания о конкретных событиях из детства не найдется,

личная память (душа!) сохранится несмотря ни на что. Старорежимность воспринималась как порок, препятствующий достижению счастливой жизни.

Зоя Ивановна неоднократно подчеркивала в разговоре стабильность и благополучие советского государства, ни в одной стране, даже в Америке, государство так не помогает своим подданным. Таким образом, создается некий образ советского рая на земле. Приведем несколько цитат из речи Зои Ивановны:

Прежде-то нажилась в общежитии, в тесноте, да не в обиде – комната на восемь коек. А нынче – вольно... Спасибо месткомовским. Зоя Ивановна так и сказала: «Чего уж теперь... Разве дите виновато? Родила так родила – обратно не пихнешь. У нас ведь как? Мать всему голова: и напоит, и накормит. Ну и что – без мужа? Нынче и таким помощь и почет. [...]

Им-то чего: «Не ты первая, не ты последняя. И помни: ребеночек наш, заводской. Значит, общий. Для власти падчериц нету. Так что не сомневайся: ясли, сад, подрастет – лагерь. Да и ты, небось, не одна – в коллективе. А вот таишься зря. Не ветром же надуло. Таких кобелей, да мигом в ежовые рукавицы!» (Чижова 2010, 9.) [...]

На меня глядит: «Ты, Антонина, смотрю, баба ушлая, а глупая. Ладно, когда по молодости. А теперь, чай, не девка. Раз принесла в подоле, во второй раз примериваешься? Так и будешь безотцовщину плодить? Пользуетесь, что государство у нас доброе – и ясли, и сад, и все вам на тарелочке. Рожай не хочу – хоть под каждым забором...». [...] И учти: в Америке таких, как ты, – поганой метлой. Там с этакими матерями не цацкаются. Иди, – говорит, – и подумай. А то ведь поздно будет». [...]

А я вот еще примечаю: посторонняя ты. Мы-то все в одном котле, в коллективе, а ты в сторонке будто. Ведь сколько раз говорила: девку свою не гробь. В детский садик отдай. Куда там! – как об стену горох. Уперлась. Будто в садике – враги...» (Чижова 2010, 113.)

Для советского государства не было чужих детей, все дети общие, а значит, и матери-одиночки получают помощь. Существовало определенное представление о правильном воспитании ребенка: ясли, детский сад, а потом и лагерь. Все необходимое закладывалось в ребенка еще в детстве. Малейшие изменения в личной жизни людей становились известными в кратчайшие сроки по всему предприятию, заводу, женсоветы выполняли функцию контроля, наведения порядка. Государство поддерживало матерей-одиночек, но и мораль в поведении женщин должна была сохраняться, а значит, что «рожать под каждым забором» не являлось нормой и вызывало порицание. К тому же все находилось в одном коллективе, действовали сообща, лишь Антонина словно отдельно от всех. Это еще раз подтверждает наш вывод о том, к какому «лагерю» героиня относилась.

Зоя Ивановна объясняла Антонине недостойность ее поведения с точки зрения государственного устройства. При этом подчеркивалось, что за границей, в Америке, к таким

матерям жалости не имели, а с позором изгоняли их из общества. Иначе, Советский Союз – рай на земле, все люди равны, чужих для государства нет. Мы узнаем, какие действия могли вызывать порицание со стороны окружающих, то есть у государства была мораль, однако она разительно отличалась от христианской морали старух. Рай – здесь, в Советском Союзе, на земле, без греха, искупления, личной ответственности перед Богом. В подтверждение выше сказанных слов, приведем цитату еще одной представительницы советского общества в романе – Сытиной.

Ох, замуж бы тебе, Антонина... Второго родишь, завод квартиру предоставит. Иначе так и не выберешься – из ихнего болота. Ишь, суки старорежимные!.. Мы когда еще получили... Въехали. Сколько лет прошло, а поверишь, до сих пор снится. Проснусь, прямо мокрая вся. А потом лежу и думаю: нету же их больше. Одни теперь живем. А внутри-то щемит, щемит: господи, думаю, вот же он – рай... (Чижова 2010, 43.)

Рай по Сытиной – это отдельная квартира, которую не надо делить со старухами. Мы видим, что в данном случае, представление о рае очень примитивно и заключается лишь в материальном достатке.

Особенно ясно разделение мнений, что же есть такое истинный рай, отражался с экранов телевизора, посредством которого в сознании огромного количества людей создавался образ «большого безоблачного будущего». Телевизор являлся показателем нового, обновленного советского общества, обрастающего материальными благами. В свободное время героини смотрели телевизор.

– Как живые, – бабушка Гликерия радуется, – ни войн на них, ни болезней. Как смерть застала, так и остались – молодые, здоровые. Очереди своей дожидаются: в телевизор попасть.

– Глупости мелешь! – Бабушка Евдокия глазом сверкнула. – Все, мол, кругом одинаковые – на одних правах? Умерли, а все в одном месте: и грешники, и праведники... И очередь у них одна?

– Теперь-то – мертвые, – бабушка Гликерия печалится, – чего им промеж себя разбирать...

– Ну уж нет! – Встала, за спину держится. – На этом свете не разобрались – и концы в воду? Не будет этого. Господьто все видит. Смерть – не война: грехи не спишет. Здесь не сподобил, значит – там ответ держать. (Чижова 2010, 92.)

Данный диалог демонстрирует разное понимание старухами жизни после смерти. Гликерия полагала, что люди, даже прожив жизнь грешную, умирая, могли попасть в рай. Вспомним слова ангелов из духовного стиха Гликерии: «Кабы нам судьба на земле прожить, уж и мы б, небось, грех извели...» (Чижова 2010, 177). Однако Евдокия не была согласна с

такой точкой зрения и возражала, что грешникам и праведникам разная дорога. Смерть грехи не отпускает. Все будут держать ответ перед Господом в день Страшного Суда.

Так и Антонина, находясь при смерти, мечтала о рае, увиденном именно по телевизору.

Я вот, – шепчет, – в телевизор гляжу: хорошо там... Все у них ладно, подобиру. Не то что у нас.

– У кого это – у них?

– Не знаю. – Глаза отвела. (Чижова 2010, 170.)

«А они конфет возьмут шоколадных. Все у них будет – и не надо варить».

«Для всех, что ли?» – удивляется. «Да, – кивает, – для всех».

«Что же у них за пенсии такие, чтобы всякий день – шоколад?» – «Так не будет пенсий». – «Совсем, что ли? – напугалась. – Как раньше, в колхозах? Ох! – Крестится.

– Неужто опять вознамерились? Не дай Господь дожить...»

«Совсем денег не будет. Вовсе их отменяют». – «Как же это? А продукты? По карточкам, что ли? А мануфактуру?» – «Всё, обещали, свободно давать будут. Кто сколько хочет... У них, – в угол глядит, – все по-иному планируется. Я вот, – шепчет, – и думаю: заранее в телевизоре показывают. Деньги хоть и есть пока, а люди совсем другие. Я уж гляжу – не налюбуюсь: не такие, как мы. Добрые, праздничные. На производство придут – все у них хорошо. И дома по-людски...»

«Все, что ли, добрые? – Гликерия к телевизору оборачивается. – А злых куда же?» –

«Так не будет их, совсем не будет». – «Совсем-то, небось, только в раю...» – «Вот, – кивает. – Я и думаю: такой он и есть – рай. Как там, в телевизоре. Раньше-то не верила. А теперь, думаю, есть. Вот бы попасть туда, мечтаю...». (Чижова 2010, 171–172.)

Данный эпизод показывает коммунистическую идею нового идеального общества.

Люди будут добрыми, злых не останется, все станет общим, продовольствия будет в достатке. Деньги отменяют, нужда в чем-либо уйдет, а значит, и не будет причин для людской злости и зависти. Советский Союз станет местом земного рая. Однако вот какое мнение имели старухи на этот счет:

«Чего!? – замерла. – Какой для них рай? Им-то известная дорога...» – «Да они ж, – Ариадна подхватывает, – и сами не верят». – «Как это? – Гликерия возражает. – В рай-то все верят. Вон на демонстрациях: тряпки свои, демоны, таскают. Я когда еще думала: за место хоругвей. (Чижова 2010, 175.)

В те времена и жизнь другая была, и смерть. И зло с добром другие. Раньше-то силы ихние одинаковые – неизвестно, кто кого переборет... (Чижова 2010, 136.)

Красные флаги СССР воспринимались героинями, как бесовские тряпки, бесовское пародирование церковных хоругвий. В православной традиции существует понимание, что бесы и вся нечисть неспособны создавать новое, они могут лишь подражать и коверкать божественное, данное Богом. Таким образом, коммунизм, земное царство счастья и добра,

был лишь пародией, заимствованием идеи рая из христианства, с той разницей, что для попадания в земной рай коммунизма не требовалось каяться в своих грехах, просить Господа о снисхождении, достаточно было быть членом совесткого общества, держаться в коллективе, сообща... Евдокия говорила о добре и зле, добро – Бог, вера во Христа, зло – советское общество с его безверием. Когда-то их силы были равны, но не теперь. Опять мы видим маловерие героини, ее сомнения в силах Господа.

Образ рая также появляется в разговоре героев романа Соломона и Николая.

«Я, – Соломон лоб вытер, – одно вам скажу. Христос ваш воскрес, а жена моя не воскреснет...» – «Вот-вот, – Николай подхватывает. – А была бы русская – в рай бы попала. Христос для русских приготовил». (Чижова 2010, 186.)

Данный диалог очень показателен, мы видим, что даже у такого советского человека, как Николай, было представление о Боге. Правильнее сказать, христианство было вмонтировано в его сознание однако в искаженном виде. Герой ушел в антисемитизм, говорил об особой избранности русского народа. Вообще слово «православие» буквально переводится как «правильное учение» или «правильное славление». Отсюда возникает суждение или даже верование многих русских православных христиан в избранность русского народа. Господь и Пресвятая Богородица защищают землю русскую от бед, напастей, врагов и дают силы противостоять самоотверженно нечистой силе. Недаром, в православной церкви существует праздник Покров Пресвятой Богородицы. Богородица защищает, покрывает русский народ, русскую землю, или, иначе, мать-сыру землю, своим щитом от несчастий. Таким образом, в данном эпизоде мы видим неразрывность национальной самоидентификации с гендерным аспектом православной веры.

4.3.2. Мотивы чуда и греха

Наряду с символическими мотивами рая и ада в романе встречаются мотивы чуда и греха. Понятие греха прочно укрепилось в сознании старух. Они пытались вымалывать свои грехи в церкви, исповедоваться и причащаться, поэтому неудивительно, что их речь была наполнена символикой «греха» и «чуда».

В предыдущих главах мы затрагивали вопрос греховности, представления о грехе героинями романа. Достаточно вспомнить эпизод выбора крестной матери, немоту девочки, празднословие старух, духовные стихи Гликерии. У каждой героини романа было свое представление о грехе и прощении за него. Старухи считали себя грешницами, а невымоленные, погибшие дети, некрещенный внук были их наказанием, преградой перед

Царствием Божиим. Поэтому появление Софии в жизни героинь уподобилось чуду, возможности исправить ошибки прожитой жизни на земле.

- А я вот, может, и радуюсь, что нету у меня детей. Чего на смерть рожать?
- Дура ты! – Евдокия аж притопнула. – Баба-то бездетная – пустоцвет.
- Ничего, – платок с головы сняла, волосы пригладила. – Господь, Он ведь все видит: внучку послал на старость. Правда, – оборачивается, – Софьюшка? (Чижова 2010, 57.)
- Кушать, – утешаю, – вам надо. Что ж вы такое: все чай да чай...
- Да я, – дышит тяжело, – кушаю, только тело уже не принимает. Зажилась, видно, на свете – девочка одна и держит. (Чижова 2010, 64.)

София была еще мала, ее душа не окрепла, влияние зла («безбожной советской действительности») могло ей навредить, поэтому Гликерия, будучи крестной матерью, чувствовала ответственность перед Богом за девочку. Евдокия также считала, что она зажилась на этом свете, но по другой причине.

- Я-то, – бабушка Евдокия жалуется, – грешница. Многих возненавидела. Вот Он и держит меня, не пускает помереть. Дождается, видно, пока сердце мое отмякнет, будто какой сухарь. На тот свет-то надо размякши, а как, – говорит, – забудешь? Душа-то, небось, не тело: мылом не отмыть... (Чижова 2010, 65.)

Безусловно, влияние Евдокии на воспитание ребенка не менее важно, чем Гликерии. Однако София – не единственная причина жить. Ненависть к людям, обида – вот то, отчего Евдокии необходимо было избавиться. Мы не раз подчеркивали саркастичность слов героини, словно она обижена как на советский режим, унесший жизни ее детей, так и на Господа, попустившего эти несчастья. Вот что Гликерия говорит об Евдокии:

- Ты, – говорит, – сердца на нее не держи. Жизнь ее такая – вроде доски стиральной: ребрами да ребрами... Думает, раз жизнь вокруг басурманская, значит, и люди все – басурмане. А Бог милостив. Чистых душ все одно больше. Может, и тебе повезет... (Чижова 2010, 104.)

Разница в понимании веры/греха героинями очевидна. Также вспомним духовный стих о нераскаянной душе Гликерии. Душа была обречена на вечные муки, но по Высшему Благословлению и Прощению, а иначе, благодаря Божьему чуду, получила место в раю.

- Что ж ты, спрашивают, душа, мимо раю прошла? Мимо раю прошла – не заглядывала...
- Опечалилась она, клонит голову. Обращает речь к божьим ангелам. Я б и рада к вам в кипарисный рай. Да грехи мои нераскаянные. Чем я, грешная, оправдаюся? Окаянная, чем порадуюсь? (Чижова 2010, 177.)

Грехом также является празднословие, иначе, излишняя разговорчивость. Ранее в главе «Сакральные аспекты мотива немоты и цифры «7»» уже приводилась данная цитата, однако обратимся к ней еще раз.

«– Народу больно много. Одни роют, другие в землю ложатся.
– Кабы так... – Евдокия чашкой пристукнула. – Думают, другим вырыли. А потом, глядь, выходит – себе... Ладно. – Клеенку разгладила. – С вами сидеть – греха набираться». (Чижова 2010, 23.)

Рассмотрим другой пример из разговора героинь, здесь они уже высказывали свои мысли напрямую:

– Ох, грехи наши тяжкие, – Гликерия вздыхает.
– При чем здесь наши грехи?
– Уж и не знаю, – Гликерия петли считает, – что и лучше. При нашей-то жизни: языкастой или уж так, молчком. (Чижова 2010, 28.)

Молчание, немота – особое Божие Благословение. Немой не сможет осудить другого вслух, не скажет лишнего, а в православной церкви существует представление об ответственности за свою речь. Человек, в день Страшного Суда, будет держать ответ за каждое сказанное слово. Вот почему героини старались избегать ненужных разговоров. Вернемся к сюжету романа. Антонина узнала о своей болезни – раке матки –, а также необходимости операции. Операция была произведена, но метастазы поразили другие внутренние органы. В случае смерти Антонины девочку отдали бы в детский дом. К тому же стоит помнить о «недуге» Софии – немоте. Официальных прав на опеку девочки старухи не имели. Таким образом, героиням необходимо было придумать выход из сложившейся ситуации.

«Я вот чего, – шепчет. – Больно старые мы. Как уводить станут, сердце и не выдержит. Нам-то хорошо... А ей здесь остаться. Вот если б, – на дверь оглянулась, – и ее – с собой...»

Ариадна глядит – глаза остановились: «Как это – с собой?»

«Свят, свят, свят, – Гликерия и сама напугалась. – Прости душу грешную, оборони Господь, не знаю, что и несу...» – «Это, – Евдокия к крану пошла, воду включила, – я уж прикидывала: лекарство какое... Вот бы и...»

Вода шумит, бьется. «В войну, – Гликерия шепчет, – начальник этот у Гитлера, как же его? Так жена всех отравила, лишь бы в руки ихние не попались – пятеро было или шестеро...»

«Да очнитесь! – Ариадна крикнула тоненько. – Зверям уподобляться?!»

«Ох, – Евдокия встала, закрыла воду. – И не знаешь, где люди, где звери. Будто в лесу живем. Грехи наши тяжкие... Мысли ползут – незнамо откуда...» (Чижова 2010, 146–147.)

Гликерия и Евдокия рассуждали в данном диалоге о способах суицида, если Софию после смерти матери по закону пришли бы забирать, как не отдать ее в чужие руки. Ариадна

ужаснулась одной только мысли, а Гликерия и Евдокия поняли, что совершили только что грех, забыли о заповедях Господних, уподобились бездушным зверям.

Надежда умирает последней. У каждой имелось свое представление о грешности, Божьем милосердии и прощении. Однако Евдокия, Гликерия и Ариадна единодушно полагали, что по вере случаются чудеса.

Вон, рассказывали, перед самой войной мужчину привезли – тоже на онкологию. – Разрезали. Смотрят: метастазы. И такие страшные – и в печень, и в почку. [...]

– Так война как раз. Ну домой его выпустили. Умирать. А он – раз! – в военкомат. Все равно, думает, конец, так лучше уж с пользой – на фронте. А этим-то, в военкомате, тоже разрядка. По добровольцам. Вот они его и взяли. Все равно, думают, ополченцам-то этим – на смерть...

[...] Вначале-то, конечно, сказывалось – боли у него и слабость. Смерти искал. Нагляделся, видно, как раковые умирают... Как какое задание – он уж первый: и в атаку, и в разведку... Смотрит, а смерть-то его обходит: здоровых как серпом косит, а его милует.

[...] Чувствует: нету боли. И тошнота прошла, и слабость. Так и дошел до Берлина. Возвращается – думает: в больницу надо сходить. Провериться все-таки. Приходит. Врачи его карточку открыли – изумились. Он уж мертвый лежать должен. А он – живой и в орденах. Стали смотреть, а нет метастазов: одни здоровые ткани.

[...] Сами собой рассосались. Он-то верующий, должно. Чудеса ведь по вере... (Чижова 2010, 136.)

Данный эпизод рассказывает о человеке, страдающем от рака, при этом болезнь была на такой серьезной стадии, что лечение оказалось бездейственным. Однако герой не стал раздумывать, пошел добровольцем на фронт, искать доблестно в бою смерть. Произошло чудо, он прошел все сражения, остался невредимым, и, более того, вернулся исцеленным от страшного недуга. Вместо пораженных тканей в организме были здоровые, что сложно поддается разумному объяснению. Но старухи знали «секрет исцеления»: чудо дается по вере. Мужчина отдал себя в руки Божие и достойно прошел войну, Господь по Высшей милости исцелил больного, даровав ему новую жизнь. Вдруг и с Антониной произойдет чудо по молитвам героинь...

Однако Евдокия в какой-то момент, находясь в отчаянии, вновь роптала на бездействие Бога к ее просьбам о помощи.

– Свят, свят, свят, – крестится. – Слова твои – богохульные. Спасение-то – от Бога.

– А ты, – губы поджала, – Господом меня не стращай. Не хуже твоего верующая. Только Бог-то от жизни нашей отступился. Разве допустил бы этакое? Уж я всю жизнь на коленях: и что, отмолила кого?.. Ладно – мы проклятые. А Софью не дам. Накося, – дулю сложила. – Вон им – аспидам. Весь мой сказ. (Чижова 2010, 137.)

Мы видим и слышим недовольство Евдокии Божьим заступничеством, а точнее, его отсутствием. С одной стороны, Господь послал героиням Софию. София – это их покаяние,

их спасенная душа. С другой стороны, противостояние добра и зла неравносильно. Зло начинаю побеждать. В главе «Мотивы рая и ада» говорилось, что Евдокия рассуждала на эту тему: до революции силы добра и зла были равны, но не теперь... Однако в данной ситуации Гликерия не согласилась с Евдокией, спасение могло быть только от Бога, и оказалась отчасти права.

Ариадна придумала план, согласно которому, Антонину необходимо было выдать замуж за Николая. Николай передал бы опеку над девочкой старухам, и София была бы спасена.

«Так я, – Гликерия оправдывается, – уж и так всякую ночь...»

Ариадна с места встала. Сама белая: «Вот же оно – чудо. Господь сам нам указывает...»

Глянула на нее: «Чего, блаженная, городишь! Совсем умом повредила? Язык твой без костей». [...]

Евдокия в окошко перекрестилась.

– Чудо, говоришь?.. Да-а, умная ты... Видать, не зря учили в гимназиях. Я бы не дошла...

– И правда, – Гликерия шепчет, – чудо лицезреем...Сподобил Господь перед смертью.

Ариадна голову опустила, печалится.

– Обманывать придется... Грех на душу берем.

– А нам, – Евдокия отвечает, – выбирать не из чего. Какое чудо дадено – на том и спасибо. Почитай, соломинка протянутая. Наше дело – хвататься. Лишь бы вышло у нас. Хоть эту спасти... А грех – пусть на меня ляжет. Так и так душа погублена. Детьми моими. (Чижова 2010, 152–153.)

Здесь мы прослеживаем мотивы чуда и греха. Евдокия, Ариадна и Гликерия считали Николая и идею со свадьбой чудом, посланным Богом, и всячески убеждали себя в том, что это не могло быть ничем иным, как Божественным снисхождением. Однако вместе со счастьем наступил и момент сомнений. Свадьба фиктивная, а значит, и Божьего благословения на ней не было. Однако Евдокия убедила себя и всех, что надо радоваться тому, что дано, даже если пришлось ради этого грешить. Героини – грешные, им было нечего терять, а за душу Софии необходимо было бороться. Мотив греха появился также и в следующей ситуации.

Гликерия за Ариадной пошла – к изголовью садится.

– Не плачь, – утешает. – Деньжищи его не трудом нажитые. Откуда – трудом? В блокаду, небось, промышлял. А нам их Бог послал – на бедность.

– А я, – голову с подушки подняла, – не желаю таких денег. А Бог послал, так и от Него не приму.

– Господи, – крестится. – Гордость-то смири. Нам она не по чину...

– А уж это, – говорит, – мое дело. С отцом на том свете встречусь... Что ему отвечу? В блокаду, мол, нажито, на чужой крови...

– Ох, – Гликерия сдается. – Вы умные, сами думайте. Я-то чего... (Чижова 2010, 169.)

Через друга Соломона героини обменяли серьги Ариадны на деньги. Однако Ариадна отказалась принимать деньги, так как они были нажиты нечисто, на чужой крови. Ариадна не принимала в данном случае «полуправды», хотя на обман с браком Антонины она пошла. При этом примечательно, что героиня боялась не Божьего гнева, а осуждения со стороны своего отца. Гликерия же с Евдокией предпочитали верить в Божью милость, даже если она пришла в такой форме.

Антонина, как мы отмечали в предыдущей главе, сама того не ведая жила по «законам» старух. Героиня не посещала церковь, но вела очень скромный, благочестивый образ жизни, далекий от греховности. Однажды Антонине приснился сон.

Лежу, а не сплю вроде. Только понять не могу. Будто в деревне я, за околицей. А дорогу не помню, вроде и нет дороги. Снег. Все белым бело. Назад обернулась следы свои найти. Нету: ни своих, ни чужих. [...]
Это ж землянка наша, на краю леса. С войны еще осталась. Детьми часто от дождя прятались. Бревна у ней погнивши – скрипят. «Кто ж это, – гадаю, – в землянке поселился да огонь жгет?» [...]

Голову пригнула, заглядываю. А вместо пола – земля прибитая. Голик старый в углу. На полу костерок разложен. Хозяин у костра, ко мне спиной – поленья подкладывает, руки над огнем согреть.

Голос тусклый, хриплый, вроде простуженный. Слышу – знакомый, а не узнать. Пусть бы, гадаю, обернулся. Может, из наших кто, из деревенских. Соседских мужиков сколько в войну пропало, да и раньше – перед войной. Намерзся в лесу, вот голос-то и сел... [...] Что ж ты, – спрашиваю, – дочь свою признать не желаешь? Кровь родную».

Оскалился черт, опять смеется. «Кровь, – говорит, – в землю ушла. На крови родства не построишь». [...]

Тяжко мне, не встать, не вырваться, будто медведь навалился – шерстью паленой. Ни сил нету, ни воли. Бормочет, бормочет, вроде просит чего. Крикнуть, да голос канул. Ближе, ближе – чую медвежью плоть... Запах сладкий, острый, будто гвоздь каленый. Цепляюсь, цепляюсь, рву в клочки. Костер горит, стонет, занимается... жарко мне, жарко... крикнула, как обмерла... (Чижова 2010, 77–79.)

Антонина встретила во сне Григория, отца Софии. Он предстал перед ней в военной форме. Антонина вела с Григорием разговор, удивилась, почему он до сих пор «партизанил», война уже закончилась. Героиня рассказала о том, что у них родилась дочь. Однако примечательны слова Григория, «на крови родства не построишь». Старухи не являлись родственниками Софии, но через Таинство Крещения стали ответственными за ее душу, духовными матерями, а не «плотской» матерью. В диалоге Григорий приобрел образ черта, зверя, вызвал плотские желания. Похожая история случилась с другой женщиной, в деревне.

В войну было. Жила у нас в деревне солдатка. Здоровая баба, крепкая, отродясь ничем не болела. Муж на фронте – она за двоих ломит: за мужика и за себя. Потом уж, война к концу, приходит ей похоронная. Ну погоревала-поплакала и снова за работу. Месяц-другой проходит, стали замечать за ней – лицом чернеет. Ну чернеет и чернеет. Другие-то тоже не румяные. А потом, глядят, и с тела стала спадать. [...]

А у нее товарка. Вот бабы-то и к ней. «Повлияй, – говорят, – на Анну. Неладно с нею, детей сиротами оставит». Та и пошла. Завела про то, да про се. А баба будто и говорит: «Да пошли вы все. Это вас фельдшерам показывать. А я-то теперь только и зажила. Муж мой каждую ночь ко мне является. Любовь у нас. Раньше-то и ведать не ведала, как оно бывает...» [...]

Товарка изумилась – другим пересказала. Вот они решили к попу обратиться. [...]

Батюшка-то старенький, сам едва жив. Как услышал про бабу эту: «Бес ее терзает. Вы, – советует, – в храм Божий приводите, я отчитаю. Только бесы, – пугает, – эти – самые сильные, которые любовный облик принимают. Бывает, с одного раза и не сдадутся. Имя им страшное, особое». Поп-то назвал, да бабы позабыли... Вернулись, а тут и дожди пошли, бездорожье. Как повезешь? Ждать надо, когда дороги встанут. Пока дожидались, Анна эта возьми да помри. Обмывали, дивились: старуха старухой. Руки тонкие, ребра торчат, будто выболевши. Бес-то силы из нее вымотал – затерзал до смерти...» (Чижова 2010, 85–86.)

Эту историю рассказала Антонине ее покойная мать. Муж солдатки погиб, женщина пострадала, а потом начала вновь жить прежней жизнью. Однако окружающие заметили изменения во внешности героини, она становилась все чернее и чернее. Женщина была уверена, что к ней приходил ее покойный муж, однако, согласно священнику, это был представитель нечистой силы – бес или, иначе, черт. А значит, что их плотская связь была не чем иным, как грехом блуда. Антонина вспомнила этот рассказ неслучайно, ведь сон, приснившийся ей накануне, обладал аналогичным сюжетом.

Легла – а заснуть боюсь. Еще полежала, а вдруг и не он это, думаю? Прямо потом меня прошибло: случаи всякие бывают. *Эти*, которые являются, даром-то не отстанут... (Чижова 2010, 85.) [...]

Лежу, а внутри замирает... А вдруг и со мной так?.. Бес меня терзает. Глаза закрыла. «Он это, он, – думаю. – Сердце-то не обманешь...» (Чижова 2010, 86.)

Формально неверующая Антонина все же верила в существование нечисти, героиня боялась, что плотская связь, случившаяся во сне, могла иметь последствия в реальной жизни.

Вышла, а с мыслями не сладить. Как же это будет? Операция все-таки... Во двор спустилась – села на лавку. Вот, думаю, жила, себя соблюдала... Бабы-то как гуляют, и ничего им. Надька, вон, Казанкина... И запоминать не успевает. То один у нее, то другой... Что ни год, на операцию ходит. Отлежится и снова за свое. Уж сколько с ней бились... «А чего, – лыбится, – я в своем праве. Теперь законом не возбраняется...» А мне-то, гадаю, за что?

И горько так стало. Посидела, собралась с мыслями. «А вдруг, – догадываюсь, – во сне-то тоже считается... Был же грех...» (Чижова 2010, 133.)

Антонина узнала о раке и необходимости операции. Сначала героиня находилась в недоумении, почему все было устроено так несправедливо. Она жила в чистоте, соблюдая себя, а другие грешили, делали аборт и не имели никаких видимых последствий. Однако героиня догадалась, что виною всему грех блуда, совершенный во сне, ведь с Григорием они не были женаты. В православии существует представление о степени воцерковленности человека и общения его с Богом. Чем меньше человек верует, знает о Таинствах, устройстве Церкви, тем снисходительнее Господь относится к нему, тем яснее Божие присутствие рядом с начинающим христианином. Однако воцерковленный, глубоковерующий прихожанин может быть «наказан» и за мелкую провинность, непослушание перед Богом, ведь он осознает неправильность, греховность действия, тем не менее совершает его. Господь иногда «отходит» от таких людей, но лишь для того, чтобы усилить их веру и служение. Антонина не веровала в традиционном понимании религии, но она была очень чиста и праведна в духовном плане. Для нее даже грех, совершенный во сне, мог послужить причиной болезни. Образ жизни героини подобен мученическому. Антонину можно назвать падшей Евой/матерью всего человечества. При этом примечательны фразы старух:

Свадьба-то наша в саване, а мать – сыра земля... (Чижова 2010, 151).

«К Успению, значит, отмучается» (Чижова 2010, 141).

Саван – это одеяние из белой ткани для покойников (Ожегов 1952: 638). Мать, то есть Антонина, – сыра-земля, иначе, на пороге смерти. Героиня, как мы сказали чуть ранее, олицетворяла падшую Еву, но также приравнивалась и к Богородице, ведь, согласно старухам, Антонина должна была отмучаться к Успению, то есть к церковному празднику, посвященному Успению Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.

Таким образом, в данной главе мы рассмотрели мотивы рая/ада, чудо/греха. Каждая героиня имела свое представление о данных понятиях. Ариадна и Гликерия уповали на помощь Господа, Евдокия временами верила в свою «проклятость», осуждала Господа за бездействие, Антонина внешне невоцерковленный человек оказалась практически мученицей, носительницей Высшей Идеи. Антонина заключала в себе все ипостаси Софии Премудрости Божией: она была и мать сыра-земля, и Падшая Ева, и спасительница-Богородица. От биологической матери на земле после смерти не осталось и следа, даже фотографии. Но на духовном уровне произошло Высочайшее слияние душ. Вспомним слова Григория: «на крови родства не построишь» (Чижова 2010, 79). Через Антонину на свет пришла Премудрость Божия, – София. Она и была спасительницей рода человеческого, воплотившей в себе идею женственности.

4.4. Христианские мотивы в воображении и внутреннем мире Софии

Ранее мы рассмотрели, как старухи и Антонина влияли на характер девочки. Задачей героинь было спасти детскую душу, принести Господу покаяние, воспитывая Софию. Однако какое отображение нашли рассказы бабушек и мамы в воображении и во внутреннем мире Софии? Данные вопросы будут изучаться в данной главе.

Девочка, слушая бабушек, создала свою картину мира, которая порой удивляет читателя сложностью и фантастичностью образов. Рассмотрим, например, как София понимала отсутствие отца в их жизни.

Это же про ту девочку. Которая в шкафу живет.

Створку распахнешь – является: стоит, смотрит. У нас и платья одинаковые – бабушка Гликерия шьет. И комната на нашу похожа: стол, занавеска, стены желтые. Только кровать одна – другой нету. Зато дверь у них. А еще лесенка. Отец ее по лесенке возвращается, из-за двери смотрит. Полюбуется на нее и снова уходит.

У них квартирка маленькая: зачем им? – бабушек-то нету. Бабушки здесь, со мной живут. А мама ее не спит и не готовит. Только волосы перед зеркалом причесывает. Причесется и тоже уйдет. (Чижова 2010, 36.)

В данном отрывке мы видим «лесенку» в другой мир, мир, где нахожся сейчас отец Софии. Первое, что пришло на ум после прочтения цитаты, это основное сочинение Иоанна Лествичника «Лествица». «Лествица» – духовное произведение, описывающее 30 ступеней на пути к Царствию Божию. Те люди, которые идут правильной дорогой, добиваются до верха и попадают к Богу и Ангелам, а те, которые слабы в вере, искушаемые бесами, падают вниз. (Духовная Лествица, www.) Вспомним слова бабушки Гликерии.

Тебе, – вокруг себя оглядывается, – всего запомнить надо, пока время у нас есть. Дом наш – вон где. А тут собор. Сколько лет ходили, должна уж помнить. Если что, колокольня высокая. Ее отовсюду видно. По ней и равняйся. А из-за канала выйдешь – там другое: через мостик надо идти, мимо львов. Львы-то каменные – что им делается? А людей, – пальцем грозит, – не спрашивай. Мало ли... Запутают, заведут. [...]

– Завтра гулять пойдем – в другую сторону обернемся. С Офицерской надо приноровиться. Эти-то чего подумают: дескать, маленькая еще, неграмотная. Пусть идет, все равно не помнит. А ты, знай, молчи. «Правда, – кивни. – Это я так, мол, гуляю. Похожу и к вам вернусь». А сама помни: с какой стороны ни зашла, все тебе известно. И собор, и театр этот, и мостик... (Чижова 2010, 145.)

Занавеска на окошке колышется: фея за ней спряталась – злую колдунью ждет. А та Воронов Вороновичей запрягла, по улицам едет: мимо церкви, вдоль канала, к самому черному дому... Большевики на них глядят, радуются. Пустыми пальцами шевелят... (Чижова 2010, 34.)

Людей спрашивать было нельзя, так как они могли увести от истинного пути, словно бесы, сначала искушающие, а потом скидывающие грешников с лестницы в рай. Мы видим, что колдунья ездил по тому же самому маршруту, где проходили прогулки бабушек с Софией. Словно она заодно с большевиками, хотела найти Софию и погубить. Бабушка Гликерия объясняла, что идти в жизни необходимо по памяти, а память эта приведет к отцу... В данной логике, можно предположить, что в романе речь шла не только о реальном отце Софии, но и о Господе. Он словно наблюдал с небес за ее развитием, взрослением. Примечательно то, что «отец полюбуется на НЕЕ» и «мама ЕЕ», но «бабушки здесь со МНОЙ». Создается впечатление, что мир Софии существовал за счет бабушек, а мама не имела на него прямого влияния, поэтому она причешется и тоже уйдет, как отец. С другой стороны, ранее мы анализировали, что Антонина перед смертью воплощала в себе, как мать сыру-землю, так и Богородицу, она сливалась с Премудростью Божией, становилась одним целым. Героиня покинула земную жизнь и приобрела Царствие Божие, чтобы ждать с отцом прихода дочери...

В романе неоднократно возникает образ «спящей красавицы». Девочка воспринимала смерть просто, как сон, временное состояние. Так, например, первым воспоминанием были похороны матери.

Мое первое воспоминание: снег... Ворота, тощая белая лошадь. Мы с бабушками бредем за телегой, а лошадь большая, только почему-то грязная. А еще оглобли – длинные, волокутся по снегу. В телеге что-то темное. Бабушки говорят: гроб. Это слово я знаю, но все равно удивляюсь, ведь гроб должен быть стеклянный. Тогда бы все увидели, что мама спит, но скоро проснется. Я это знаю, только не могу рассказать... (Чижова 2010, 7.)

Маленькая София забыла свое детство, осознанный период жизни, который остался в детской памяти, начался с похорон матери. София верила, что мама лишь уснула, но вскоре она проснется. Данный эпизод можно трактовать по-разному. С одной стороны, девочка наслушалась фантастических сказок бабушки Ариадны и принимала смерть мамы за сон спящей красавицы, уколотившейся об ядовитую иголку. С другой стороны, София – душа душ, а, значит, девочка видела души и знала, что их ждет. Именно поэтому она находилась с бабушками, а мама причесалась и ушла к отцу.

Сижу, глаза закрыла. А палец наколотый болит.
Вот засну, думаю. А иголка эта ядовитая. Через сто лет проснусь...
Бабушка как говорила? Через двадцать лет кончится. Проснусь, а ничего нету. Только эти лежат, огромные, каменные. На куски рассыпались, ногами пустыми шевелят. А ведьма злая в карете едет. Глядь, а куски-то рассыпанные – никак не объедешь...
Палку свою взяла, Ворона Вороновича погоняет. А он и рад бы, да проволоки железные торчат. Тащит, тащит, а они за ноги цепляются... А ведьма ему кричит:

«Взлетай!» Вот он крылья распустил. Летит, сверху смотрит: девочка уколотая спит. А вокруг пусто: все на тот свет ушли, и бабушки, и мама... Проснется, оглянется: одна она осталась. И нету у нее никого... (Чижова 2010, 55.)

Вновь возник образ спящей девочки, уколотившейся об иголку. Девочка проснется через сто лет, а вокруг никого не будет, и бабушки, и мама уйдут на тот свет. А Ворон Воронович искал кого погубить.

Бабушка Евдокия пахнет сухо, сладко. Уткнешься – и не страшно. Ничего, что одна. Я к ним на тот свет приду. Поживу маленько и приду... (Чижова 2010, 56.)

Музыка слабая, бежит ручейком. Занавес подняли. Хорошо на том свете. Выходят, на паперти у себя рассаживаются. Конфет шоколадных накушались и рады. Неужто и этот с ними? Ох, жду, сейчас на санках своих приедет... [...]

Гости танцуют, кружатся... Платья на них шелковые, алмазами убранные. По краям камня сверкают. Принцесса меж ними ходит – улыбается. Про жизнь свою прошлую не помнит. Проснулась и забыла... (Чижова 2010, 69.)

Коробка большущая, сто комнат в ней поместится. Мама с дядькой чужим тащат – схватили с двух сторон. [...] Вот они домой придут, переоденутся и кушать садятся. [...] Ой, спохватилась. Суп-то они не кушают. Зачем им – суп? У них конфеты шоколадные – в красной коробке. Коробка не простая, волшебная: берешь из нее, кушаешь, а все равно полным-полно. Вот пообедают они, чаю напьются и идут. Только руки забудут вымыть. А на улице фея злая дожидается, караулит. Как увидит руки их шоколадные, разозлится, клюкой в землю тычет – извести грозит. «Чего, – шипит, – конфетами вкусными угощаетесь, когда другие суп едят?.. Вот я вас заколдую!»

Заплакал отец, заплакала мать, а девочка их утешает: не плачьте, отец с матерью. Ничего она вам не сделает. Только наколетесь булавкой и уснете – на сто лет. А потом проснетесь, оглянетесь, а злой колдуньи и нету... И никто про нее не помнит, будто и не было совсем. Только комнатки ваши целые – никуда не делись. И девочка ваша. Сидит, дожидается. Снова все заживете... (Чижова 2010, 81–82.)

А-а... Догадалась. Это проснусь когда... Сто лет пройдет – домой и пойду. А эти в подвале сидят. Выглядывают, караулят. Другие дети тоже идут, буквы свои собирают. А они когти-то наострили, грозятся съесть... (Чижова 2010, 145.)

София потеряла свою защиту в лице бабушек. Когда они были рядом, ничего не представляло для девочки опасности. Примечательно, как София воспринимала свое одиночество: она собиралась пожить немного и уйти в Царство Божие, где находились ее родные. Рай ассоциировался с шоколадными конфетами. Возможно, девочка, слыша последние разговоры матери о полном достатке в обществе, неиссякаемом запасе продовольствия, конфет, сделала свои выводы о том, как питались в раю. Вновь возник образ девочки, принцессы, которая спала сто лет, проснулась и пошла домой. Где находился этот дом? Может быть, в раю, наверху? А «эти» ждали заблудшую душу, чтобы увести ее с

правильной дороги. В романе неоднократно нечистая сила, власть не называется напрямую, а через местоимение «эти». Так, например, бабушка Гликерия, объясняя Софии про личную память и дорогу домой, говорила: «Эти-то чего подумают...» (Чижова 2010, 145). Во внутреннем диалоге ребенка данный момент нашел отражение.

Эпизод со злой феей и родителями можно назвать пророческим. Девочка утешала маму и папу и обещала им комнатки, где они смогут жить, а также уверяла в том, что она будет их ждать и помнить. Если мы заглянем в конец романа, то узнаем, что София выросла известной художницей, которая писала картины с вкладыванием личной памяти в полотно. Она использовала приемы иконописи, разделяя мир на две части, верх и низ, рай и ад. Ранее данный аспект был проанализирован. Именно художество и французский язык спасли Софию от жизни на улице. Николай, отчим девочки, женился на Зинаиде Ивановне, которая ненавидела старух и падчерицу. Зинаида воплощала собой злую фею, которая все время грозила причинить вред героиням. София, благодаря знанию французского языка, попала в общежитие, а потом, когда ее картины стали продаваться, купила квартиру. Вот что она сама думала по этому поводу:

Умрут, к той девочке отправятся, с ней будут жить. Девочка их встретит, обрадуется. Только комнатка у нее маленькая – жить тесно. Пусть и комнаты их умрут – чтобы всем разместиться... (Чижова 2010, 40.)

Я сделала ремонт и перевезла мебель – все, что осталось от бабушек. Это отчим придумал все вывезти и спрятать у него в деревне: после смерти родственников остался пустой дом. Об этом его жена не знала, ведь дом никак не оформляли, да ей он был и не нужен. Что-то пришлось реставрировать, но теперь в моей квартире нет ничего нового: ни шкафов, ни диванов, ни кресел.

Когда мы встретились на выставке, Гриша снова звал меня с собой, говорил, что здесь ничего путного не получится, ведь жизнь устанавливается не по смыслу, а по уровню людских душ. Я отказалась, потому что подумала о бабушках. И о маме. Я уеду, а они останутся... Как бы они остались без меня?

Теперь я понимаю, что Гриша был прав. Сейчас я бы с ним поехала, но об этом говорить поздно. (Чижова 2010, 189–190.)

Иногда я стелю камчатную скатерть с розами и представляю, как мы садимся вокруг стола – и отец, и мама, и бабушки. Это для них я купила такую большую квартиру. Чтобы у них был дом, в котором больше не страшно, потому что это – наши комнаты и их никто не отнимет. Теперь я всегда с ними, даже если они меня не видят, как будто между нами глухая стена. Но я все равно хожу. Сяду, посижу и снова встаю к мольберту, чтобы, превращаясь в другую, памятную девочку, слушать их голоса. (Чижова 2010, 190.)

Первая цитата взята из внутреннего диалога маленькой Софии. Она уже тогда знала, что души бабушек будут неразрывны с нею. Но для них нужно пространство, свое, которое никто не отберет. Встав взрослой, София сдержала, не осознавая сама того, свое слово и

купила им всем квартиру. Мебель она специально собрала всю старую, от бабушек, так как в них жила связь с прошлым, которого героиня не помнила, но так хотела узнать. София не смогла уехать, так как побоялась, что покинув родной дом, она предаст бабушек и родителей, заберет обещанный рай, к которому они все так стремились. Героиня творила картины, прислушиваясь к голосам родных, она пытается возродить личную память, заглянуть в близкие души, чтобы услышать совет, найти образ.

Мы бы хотели обратить внимание на еще один очень важный аспект, возникающий в воображении и внутреннем мире Софии. Образ рая или «того света» всплывал в голове ребенка очень часто. Знаком «того света» являлись, например, голуби, которые многократно появлялись во внутренней речи девочки. Заключительным сюжетом романа является стих «Голубиная книга». Ранее, когда мы анализировали рассказы Гликерии, мы упоминали сборник духовных стихов «Голубиная книга». Однако существует отдельный стих под таким же названием. Для дальнейшего рассмотрения материала нам необходимо отдельно обратиться к истории происхождения и содержанию стиха «Голубиная книга».

4.4.1. Духовный стих «Голубиная книга»

Одним из самых замечательных и в то же время загадочных произведений русской народной поэзии остается Стих о Голубиной книге. Наиболее ранние его рукописные списки относятся к XVII веку, однако происхождение стиха по ряду косвенных признаков относят ориентировочно к концу XV - началу XVI века и связывают с псковско-новгородским краем. (Топорков, www.)

Существуют разные объяснения названия стиха. Например, Алексей Попов в статье «Карелия: Тайна «Голубиной книги»» пишет (Попов, www), что истинная мудрость даже на языковом уровне связывается на Руси с глубиной, а голубь с древнейших индоевропейских времен (времен человеческой общности) и до принятия христианства был явно негативным образом, символизировавшим гибель и смерть. Таким образом, первоначально Книга о мудрости вселенского масштаба называлась не «Голубиной», а «Глубинной».

Андрей Топорков в статье «Голубиная книга из грозовой тучи. Небесный стих о том, отчего в мире правды нет» (Топоркин, www) несколько по-другому трактует образ голубя, и, как следствие, название духовного стиха. Согласно традиционному объяснению, название "Голубиная книга" образовано от более древнего "Глубинная книга" по ассоциации с голубем как символом Святого духа. "Глубиной" (в смысле "глубина премудрости") издавна

именовали Псалтырь, а возможно, и "Беседу трех святителей" - переводной апокрифический памятник. (Топоркин, www.)

«Голубиная книга» является высшим Знанием из иного, сверхъестественного мира об исходных и потому священных первоначалах Космоса и человеческого общества, являющегося его уменьшенным отражением. Согласно А. Попову (Попов, www), причудливое сочетание языческого и христианского в самом названии духовного стиха прекрасно характеризует всю суть «Голубиной книги». Но кардинальнейшее и важнейшее различие двух мировоззренческих эпох – языческой и христианской – заключается в следующем: если христианская книга (Библия) символизирует собой конец мира или апокалипсис, то языческая «Голубиная книга» символизирует его начало и закрепляет идею «вечного возвращения», а само раскрытие и изложение содержания духовных стихов о «Голубиной книге» как бы преодолевает угрозу, исходящую от книги Апокалипсиса. На социальном уровне эта идея нашла свое четкое выражение в противостоянии Правды и Кривды.

Как пишет Г. П. Федотов в монографии «Стихи духовные» (Федотов, www), идея всеисильной божественной власти присутствует в подавляющем большинстве духовных стихов: все происходящее в них делается по Божьему велению. Даже сама Богородица – защитница и заступница людей перед небесным Царем – не в силах ему противостоять. Тем более ничтожна противоположная Богу сила – дьявол, могущественный лишь по отношению к слабым и грешным по природе людям.

Согласно Г. П. Федотову (Федотов, www), в духовных стихах нет дуализма, о котором много писали в научной литературе, основываясь, главным образом, на эпизоде противоборства Правды и Кривды в Стихе о Голубиной книге, — стихе с отчетливой богомильской тенденцией. Победа Кривды на земле временна, а небеса, где находится Правда, всемогущи, то есть необходимый признак дуализма — равенство сил Бога и дьявола — явно отсутствует.

Однако вернемся к христианским мотивам в воображении Софии, проанализируем, как и когда образ голубя появляется во внутреннем диалоге девочки, а также обратимся к Стиху о Голубиной книге.

4.4.2. Образ голубя в воображении Софии. Стих о Голубиной книге.

Ранее мы уже сказали, что символом «того» света в воображении девочки является, например, голубь. Приведем примеры из романа.

[...] Еще птички стеклянные – голуби. А вместо лапок у них крючки. Это чтоб за елку цепляться. У церкви тоже голуби: только другие, важные. Ходят, с боку на бок переваливаются. [...] Там, у церкви, старик страшный. [...] Сам короткий, ноги пустые, вместо рук крючки воткнутые, из железа. Он их из проволоки согнул – крючками в землю упирается, сам себя толкает. Бабушка Гликерия сердилась: «Чего смотришь? Отвернись. Это – инвалид. Таким с войны пришел. Раньше много их было. Один теперь остался: другие-то поумирали, должно. Отмучились, голуби. Отдыхают на том свете». А... Догадалась... Это они здесь страшные, а там – уже голуби. На том свете елку им поставили. Вот они на ней и сидят. Не мучаются, крючками за ветки схватились. Голубям рук-то не надо. [...]. (Чижова 2010, 39.)

В церковь пойдем, а эти, с ножищами каменными, навстречу: идут, смеются. «Вон, – пустыми пальцами тыкают, – нищенка, а была – принцесса. Мы, – хвастают, – все у нее украли». А бабушка ее пожалеет, жаворонка даст... (Чижова 2010, 65.)

Да вон же он, голубь. Высокий, синий. А руки у него – крылья. Перьями все покрылись. Он как прыгнет! Значит, и ноги отрастают. Только клюва пока нету... А зачем им клювы? Руки-то тоже отрасли... (Чижова 2010, 69.)

Как же хорошо у них... Умрут и превращаются: кто в голубков, кто в лебедей... (Чижова 2010, 83.)

В предыдущей главе уже говорилось о том, какое значение приобретал образ «голубя» в народном понимании. В христианство же голубиная символика пришла из Ветхого Завета. В книге Бытия рассказывается, как голубь принёс Ною зелёную ветвь и этим оповестил его об окончании Всемирного потопа и о том, что Божий гнев сменился на милость. (Голубь 2007, www.) В Священном Писании неоднократно упоминается голубь как символ кротости, чистоты и доверия. Иисус Христос заповедовал своим ученикам: «...будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16). Кроме того, в Евангелии голубь символизирует Святого Духа: во время крещения в Иордане на Иисуса Христа сошёл Дух Божий в виде голубя. Голубь также олицетворяет собой Божие присутствие и Божие благословение. (Голубь 2007, www.)

Неслучайно во внутреннем диалоге Софии появляется данный образ. Уже в самом начале цитаты мы узнаем, что голуби у церкви были разные. Среди них встречались простые птицы, а также и люди-калеки. Девочка не проводила грань между ними. Ей трудно было понять, что такое война, и почему человек вернулся инвалидом. К тому же бабушка

Гликерия называла умерших инвалидов голубями. София являлась матерью-материей, она словно чувствовала чужие души, воплощала душу душ. Она видела в инвалиде обезображенного человека снаружи и прекрасного, красивого ангела изнутри. Ведь недаром руки инвалида – его крылья, все в перьях, он умрет и попадет в рай. Возможно, по вере своей, а может и через страдание. Примечательна фраза девочки о рае. Она словно знала, что праведников ждет в раю, как там хорошо. Иисус Христос, когда ходил по земле, проповедуя христианскую веру, тоже знал Отца и Его Истину. София – Премудрость Божия, Господне воплощение, она была причастна к Высшему Знанию.

В тоже время христианские образы очень сильно переплетаются со сказочными мотивами. Мы вновь видим и нищенку, и принцессу из сказок бабушки Ариадны. Также настоящая действительность оказывается вплетенной в канву внутреннего повествования: злые «эти» по дороге в церковь, а также символ милосердия – испеченные жаворонки на праздник мучеников Севастийских. Очень образным является также и конец романа. София, уже повзрослевшая, говорила о своих чувствах: одиночестве, тоске по ушедшему и по семье. Она привела слова из духовного стиха «Голубиная книга», который показался ей очень знакомым и близким.

В этой книге есть история про Кривду и Правду, и, когда я ее читаю, мне кажется, будто я всё помню. Я узнаю слова, которые меня тревожат, и надеюсь найти образы, чтобы написать эту картину. А иначе зачем я стала художником: спала и проснулась?... (Чижова 2010, 190.)

[...] Отчего у нас солнце красное? Отчего у нас ветры буйные? Отчего у нас горьки помыслы? [...] (Чижова 2010, 191.)

Отвечает ему мудрый царь Давыд:

«Не умею я ваших книг прочесть – не постиг, видать, русской грамоты. Тяжела она эта грамота, да стократ тяжелее книга Божия. Ни в руках сдержать, ни умом объять. Расскажу, что знаю по памяти – по памяти, как по грамоте.

Солнце красное – от лица Христа, Бога вашего, Царя Небесного. Ветры буйные – от Святого Духа. Кости крепкие – от каменных гор. Кровь – руда у вас от сырой земли. Так и бьет из жил, все не выбьется...» (Чижова 2010, 191.)

[...]

То не звери на бой собралися, то не лютые друг к дружке сбегалися. Это ж Кривда с Правдой сходилися да промеж собой дрались-билися. Кривда Правду одолеть старается. Только Правда-то у вас лютеее лютого. Победила Кривду, переспорила. И отправилась напрямиком в небеса, к самому Христу, Царю небесному. И воссела одесную Отца – подле Духа Святого, рядом с Матерью. А Кривда по земле пошла – по всему народу христианскому. От Кривды земля колеблется, а народ-то молчит, терзается. Вот и стал народ от Кривды неправильный – неправильный да

злопамятный. А Правда лютая в небесах сидит. На грешну землю не спустится... (Чижова 2010, 192).

Данный духовный стих рассказывает о духовных мучениях русского народа, который сам не знал, отчего у него помыслы горькие. Князь Владимир просил совета у Давида Псалмопевца. Царь Давид отвечал «по памяти». Этот момент очень символичен, так как София искала образ для написания картин, полагаясь именно на личную память. Еще Антонина, будучи живой, говорила следующее: «Отродясь отца не видывала, а все будто помнит» (Чижова 2010: 33).

Мы также видим, что и религиозная, и языческая символики находят отражение в духовном стихе. Например, солнце красное – символ язычества, который в данном контексте соотнесен с верой во Христа. «Ветры буйные» приписываются Святому Духу, кости – горам, а кровь – руде, исходящей от матери-сыры земли. В конце стиха царь Давид повествует людям о битве Кривды и Правды, которые по значению сравнимы с образами Зла и Добра. Правда победила на земле и отправилась к Отцу и к Матере на небеса. Вспомним слова Софии, что она немного поживет на этом свете, и отправится домой в рай. Возможно, в данном случае София = Премудрость Божия, воплощенная в Правде. А Кривда – это зло человеческое. София не слышала духовный стих о Кривде и Правде, но бабушка Гликерия рассказывала ей другие духовные стихи, в которых прослеживалась связь Святого Георгия и Софии, говорилось о нераскаянной душе, трех царствах, а также о змее, пожирающем людей. Победа над змеем есть становление Церкви Божией на земле, а сам змей – это безверие. Вот почему духовный стих «Голубиная книга» показался таким знакомым и понятным Софии. Она увидела в нем отголоски рассказов бабушек, их воспитание и даже души.

Глубокая связь между бабушками и Софией повлияла на формирование духовного мира девочки. Она восприняла души героинь и сохранила их в памяти, даже став взрослой. Каждая героиня данного романа верила и думала по-своему. Антонина была безропотной, любящей матерью, советским человеком с поистине христианскими добродетелями. Евдокия – верующая, но гордая, несмирная, ропчущая на бездействие Высших сил (Господа и Богородицы), при этом простая, деревенская женщина, очень пострадавшая за свою жизнь. Гликерия – менее страдавшая, милосердная, добрая, сильно верующая. Она верила в заступничество девочки перед Господом, таким образом, отождествляла ее с лестницей/лествицей в Царство Божие. Ариадна – образованная, добрая, внешне далекая от веры, однако с самым правильным догматическим пониманием христианской жизни.

София выросла образованной девушкой. Французский язык, преподанный бабушкой Ариадной, помог героине в жизни в самый тяжелый момент. Благодаря знанию языка, София получила место в общежитии. Религиозность героини проявилась в картинах, которые она рисовала. В какой-то степени, Евдокия повлияла на данное увлечение девочки, так как рассказ о рисующей деве Софии был придуман именно ею. Она словно «запрограммировала», предопределила будущее ребенка. Картины, как упоминалось ранее, существовали в двух плоскостях и соответствовали канонам иконописи. При этом, родные души находили отражение на всех полотнах художницы, так как картины София писала по личной памяти. Возможно, большой след в детской душе остался от крестной матери – Гликерии. Именно эта бабушка была добра без строгости и просвещала ребенка в церковных вопросах, а также настраивала струны детской души на лад духовных стихов. Образ, который так был знаком и близок девушке в стихе «Голубиная книга», возник на основе нарратива бабушек. Однако традиционной религиозности взрослой Софии мы в романе не встречаем. Она жила в сожительстве с молодым человеком Григорием, что, безусловно, по канонам Церкви является блудным грехом. Однако мысли о неправильности данного поведения у героини не возникали. Она, наоборот, жалела о том, что не уехала за границу, когда Григорий ее звал. Мы обратили внимание на имя молодого художника – Григорий. Создается впечатление, что София повторила судьбу матери, у обеих любимого мужчину звали Григорий. Обе героини потеряли свою возможность любить и быть любимой. Остались лишь мечты о том, как все могло бы быть?

Таким образом, София выросла, с одной стороны, непохожей ни на маму, ни на бабушек, с другой стороны, она воплотила в себе частицы душ героинь, словно получила в наследство их черты характера, возможно, даже судьбу. София неконфликтная, смиренная, очень добрая, попыталась всеми силами сохранить нейтральные отношения с новой женой отчима – Зинаидой, однако это ни к чему не привело. Героиня посвятила свою жизнь поиску Высшего Знания, образа, которыми она когда-то в детстве обладала, но забыла. Однако личная память вела Софию в своем, особом направлении, которое, возможно, и направит ее в итоге к цели поиска.

5. Заключение

Итак, мы представили роман «Время женщин» и его автора – современную писательницу Елену Чижову. Нами был выполнен обзор критической литературы, касающейся данного произведения. В главе «Метод и теория» был рассмотрен основной теоретический материал: термин «мотив» и его функции в тексте, связь христианской мысли и русской литературы, понятие «гендер» и «женская проза» в контексте русской культуры. Задачей нашей дипломной работы являлся анализ христианских мотивов в романе Е. Чижовой «Время женщин».

Как мы убедились, данный роман читать вне христианской символики невозможно. Религиозность героинь является неким лейтмотивом произведения, связывающим отдельные главы в единой целое. Тема жертвенности и искупления, типичная для русской литературы, представлена в тексте наиболее ярко. Роман «Время женщин» рассказывает читателю о женской судьбе в непростое время, о христианской составляющей в жизни героинь, а также об их взглядах на воспитание девочки. Женщина представлена со всей ее болью и переживаниями, что является отличительной чертой женской прозы. Произведение очень многоплановое и состоит из разных временных и пространственных пластов. Реальность перемешивается со сказкой, христианская символика – с народно-языческим образом. И все это образует цельную мозаику.

Действия происходят в настоящем времени, однако в начале и конце текста через рассуждения взрослой Софии мы понимаем, что события возвращаются в настоящее действительное, а основной сюжет романа уже произошел когда-то в прошлом. Вспомним слова Е. Погорелой: время Е. Чижовой не является категорией прошлого, а оно вечно переживаемое, болезненное настоящее (Погорелая 2010, www). Так писательница достигает «вращательного ритма» романа. Коммунальная квартира героинь превращается в детский сад, школу и больницу. Таким образом, можно говорить о том, что Е. Чижова следует традиции женской прозы и использует в романе типичные для данного литературного течения временные и пространственные характеристики: вращательный ритм, коммунальная квартира, больница, дом, школа, к тому же в центр всего произведения поставлен женский образ, и не один, а целых пять.

Рассмотрение христианских мотивов позволило не только глубже понять избранный для исследования текст, но также и выявить некоторые тенденции, характерные, как нам кажется, не только для данного романа, но и для современной женской прозы в целом. Данное произведение интересно тем, что оно не просто связывает религию и автора, но в нем

обыгрываются женские образы по-новому, происходит деконструкция традиционного христианского понимания роли женщины. Однако и новая, измененная фемининность женской прозы 1980-1990-х гг. и 2000-х гг. не появляется на страницах романа в полной мере: Е. Чижова создает более сложную, «многопластовую» женскую судьбу, которая раскрывается перед читателем в сюжете произведения.

Изменения происходят не только в концепте женственности, но и в традиционном для русской литературы образе матери. С точки зрения христианства, биологическое материнство в романе представлено как ущербное. Девочка росла без отца, мать, будучи беременной, пила таблетки, чтобы избавиться от ребенка. Если возвращаться к праистокам женственности в христианстве, то на первый план выйдет первородный грех Евы и мать как биологическая/грешная. Восполнение ущербности биологической матери произошло за счет обретения крестной матери и крещения ребенка. Душа Антонины объединилась с Премудростью Божией лишь после смерти. Антонина была Падшей Евой, Матерью сырой-землей и Богородицей, давшей жизнь Софии (спасительнице человеческого рода). Таким образом, грешная мать по крови стала посмертно Высшей Истиной по духу.

Как нам кажется, Премудрость Божия/воплощенная душа душ приобрела в романе женские характеристики. София повторила ошибки матери, хотя и не помнила ее совсем. Историческая память, являясь частью души, проявилась в жизни героини спустя много лет. Даже имена любимых мужчин совпали – Григорий – и у Антонины, и у Софии. Итак, мы можем сделать вывод, что в романе на первый план выходит изображение судьбы женщины и концепта женственности в целом, что является характерной чертой произведений женской прозы.

Однако, как мы увидели при анализе текста, традиционная христианская женственность в Софии оказалась трансформирована. Девушка получила воспитание в женской среде. Ранее уже отмечалось, у каждой героини была своя вера в спасение. Зачастую, представления старух отличались от канонического понимания данного вопроса. Они не стали сидеть смиренно и подчиняться обстоятельствам, а совершили грех обмана, чтобы София осталась с ними после смерти матери. В самом поступке героинь отсутствовали признаки покаяния, они словно ждали прощения и понимания со стороны Господа. Старухи верили, что спасали Софию Премудрость Божию: душу душ – Церковь –, иначе, небесную невесту Христову. Таким образом, мы вновь убеждаемся в фемининной природе происхождения души в романе, а также обращаем внимание на противоречивость образа женственности героинь, который часто выходил за рамки традиционно-христианского.

София выросла одинокой, страдающей женщиной, ей не хватало поддержки родных людей. Внешняя обыденная жизнь героини оставалась в пределах земного безбожного существования, однако внутреннее содержимое требовало духовной пищи, воссоединения с Высшей Истиной, которую художница искала в личной памяти и претворяла в жизнь на полотне.

Описание уклада жизни взрослой Софии в романе лишь подтверждает наши выводы о многоплановости и сложности женской судьбы в современной женской литературе, которая переосмысляет ранее существовавшие представления о фемининности. Как нам кажется, тема нашей дипломной работы является актуальной и для дальнейшего изучения христианских мотивов, например, в других произведениях писательниц женской прозы.

6. Список источников

Первичные источники:

Чиждова, Елена 2010. *Время женщины. Романы*. Москва: Астрель, с.7-192.

Вторичные источники:

Goscilo, Helena 1996. *Dehexing Sex. Russian Womanhood During and After Glasnost*. The University of Michigan Press.

Holsti, Keijo 1970. *Motiivin käsité kirjallisuudentutkimuksessa*. Tampereen yliopisto: Tampere.

Hubbs, Joanna 1988. *Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture*. Indiana University Press: Bloomington and Indianapolis.

Rancour-Laferriere, Daniel 1995. *The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering*. New York University Press: New York.

Thompson, Ewa M. 1987. *Understanding Russia. The Holy Fool in Russian Culture*. University Press of America.

Абашева, М.П., Воробьева, Н.В. 2007. *Русская женская проза на рубеже XX-XXI веков*. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т.

Бухаркин, П.Е. 1996. *Христианство и русская литература*. Православная церковь и светская литература в новое время: основные аспекты проблемы. Отв. ред. В.А. Котельников. Санкт-Петербург: Наука, с. 32–60.

Горичева, Т. 1996. *Русская женщина и православие. Богословие. Философия. Культура*. Отв. ред. Т. Горичева. Санкт-Петербург: Ступени.

Жеребкина, И.А. 2003. *Гендерные 90-е, или Фаллоса не существует*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Колядич, Т. М. 2005. *Русская проза конца XX века. Тенденции развития современной «женской» прозы*. Отв. ред. Т. М. Колядич. Москва: Академия, с. 164–184.

Орлова, Н. Х. 2011. *Постклассические гендерные исследования. Иерархический порядок: деконструкция смыслов*. Отв. ред. Н. Х. Орлова. Санкт-Петербург: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета, с. 33–88.

Романова, Г.И. 2006. *Мотив денег в русской литературе XIX века*. Москва: Флинта, Наука.

Словарные статьи:

Щемелева, Л.М. 1981. Мотивы. *Лермонтовская энциклопедия*. Под ред. В. А. Мануйлова. М.: Советская энциклопедия, с. 290.

Словари:

ЛЭС 1990 = *Лингвистический энциклопедический словарь*. Гл. ред. В. Н. Ярцева.
<<http://gimn.dyndns.org/qe.asp?qttype=4&qall=0&aid={64838E1C-EA04-4ED4-B907-6F6F1E89A904}&ii=400&id=400&fstring1=%u043C%u043E%u0442%u0438%u0432&rq=1&onluname=checked&newwind=&psize=10&pn=1&selw=>>>. [Просмотрен 3.05.2013]

Октагон. <<http://www.taoktagon.narod.ru/yurodivo.htm>>. [Просмотрен 3.05.2013]

Словарь русского языка 1952. Гл. ред. С. И. Ожегов. Москва: Государственное Издательство Иностраных и Национальных Словарей.

Журналы:

Савкина, И.Л. 1996. Говори, Мария! *Русский феминистский журнал*, №4, с. 62–67.

Материалы, опубликованные в Интернете:

Азадовский, К. 2003. *О жертве и милости*.
<http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/5/azad.html>. [Просмотрен 3.05.2013]

Берг, М. 2000. *О статусе литературы*. <<http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/7/berg.html>>. [Просмотрен 3.05.2013]

Боброва, Л.А. 1998. *Пушкин и православие*. <<http://www.philology.ru/literature2/bobrova-98.htm>>. [Просмотрен 3.05.2013]

Булкина, И. 2011. *Время Чижовой*. <<http://magazines.russ.ru/znamia/2011/2/bu15.html>>. [Просмотрен 3.05.2013]

Васильев, С.А. *Христианские мотивы в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»*. <<http://www.portal-slovo.ru/philology/37175.php?PRINT=Y>>. [Просмотрен 3.05.2013]

Вольтская, Т. 2009. *Время женщин* Елены Чижовой.
<<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1814646.html>>. [Просмотрен 3.05.2013]

Голубь. 2007.
<<http://www.hristianstvo.in/ru/content/%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%83%D0%B1%D1%8C>>. [Просмотрен 3.05.2013]

Губайдулина, Е. 2011. *Птицы радости, птицы печали*.
<http://www.smotr.ru/2010/2010_sovr_vremya.htm#infox>. [Просмотрен 3.05.2013]

Духовная лестница. <http://damian.ru/Sv_Otci/11_Duh_Lesvica.htm>. [Просмотрен 3.05.2013]

Епископ Милеант, А. 2010. *Святой Великомученик Георгий Победоносец — святой из Ливанских гор*. <<http://www.pravmir.ru/velikomuchenik-georgij-pobedonosec-svyatoj-iz-livanskix-gor/>>. [Просмотрен 3.05.2013]

Есаулов, И. А. *Категория соборности в русской литературе*.

- http://www.jesaulov.narod.ru/Code/sobornost_text_0.html. [Просмотрен 3.05.2013]
- Захаров, Н.В. 2008. *Православные корни русской классической литературы*. <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Zakharov/>. [Просмотрен 3.05.2013]
- Ильинская, Н. *Проблема «литература и христианство» в научной рецепции*. http://www.nbuu.gov.ua/Portal/Soc_Gum/Pafn/2009_XLV/reports/45-53.pdf. [Просмотрен 3.05.2013]
- Именины, как определить день именин. День ангела*. 2009. <http://www.pravmir.ru/imeniny/>. [Просмотрен 3.05.2013]
- Казьмина, Н. *Сказка коммунизма*. http://www.smotr.ru/2010/2010_sovr_vremya.htm#infox. [Просмотрен 3.05.2013]
- Мелешко, Т. *Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте*. http://www.a-z.ru/women_cd1/html/br_vved.htm. [Просмотрен 3.05.2013]
- Нарышкина, М.С. *Библейские мотивы и сюжеты в русской литературе XIX – XX веков*. <http://www.litways.ru/walls-790-2.html>. [Просмотрен 3.05.2013]
- Осипов, А.И. *Ф.М. Достоевский и христианство*. <http://www.zavet.ru/smv/zh/002dost.htm>. [Просмотрен 3.05.2013]
- Основные принципы иконописи и богословский анализ иконы Пресвятой Богородицы*. 2005. http://www.floga.gr/50/04/2005-6/01_2005110404ru.asp. [Просмотрен 3.05.2013]
- Погорелая, Е. 2010. *В поисках озвученного времени*. <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/3/po11.html>. [Просмотрен 3.05.2013]
- Погорелая, Е. 2011. *Умение начинать со звука...* <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/3/ch17.html>. [Просмотрен 3.05.2013]
- Протоиерей Козлов, М. 2010. *Крестные родители: кому можно, кому нельзя быть крестным, обязанности крестных*. <http://www.pravmir.ru/krestnye-roditeli-komu-mozhno/>. [Просмотрен 3.05.2013]
- Рябов, О.В. 1999. *Русская философия женственности*. <http://www.genderstudies.info/sbornik/sbornik19.htm>. [Просмотрен 3.05.2013]
- Серафима*. <http://www.calend.ru/names/0/0/287/>. [Просмотрен 3.05.2013]
- Сорок мучеников Севастийских: история праздника, иконы, обычаи, рецепты*. 2013. <http://www.pravmir.ru/sorok-muchenikov-sevastijskix-istoriya-prazdnika-ikony-obychai-recepty-video-audio/>. [Просмотрен 3.05.2013]
- Столничество*. 2011. <http://www.pravoslavie.by/page/12320>. [Просмотрен 3.05.2013]
- Тайна имени София*. <http://oculus.ru/names.php?id=147>. [Просмотрен 3.05.2013]

Федотов, Г. 1991. *Стихи духовные*. <<http://philologos.narod.ru/fedotov/whatis.htm>>. [Просмотрен 3.05.2013]

Целкова, Л. *Мотив. Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины*. Под ред. Л. В. Чернеца. <<http://lib.rus.ec/b/212090/read>>. [Просмотрен 3.05.2013]

Чижова, Е. 2006. *Русская Православная церковь как политическая партия*. <<http://magazines.russ.ru/neva/2006/3/chi9.html>>. [Просмотрен 3.05.2013]

Что такое гендер. <http://gender-route.org/glossarium/24/chto_takoe_gender/>. [Просмотрен 3.05.2013]

Шендерова, А. *Репчатый лук работает на духовность*. <http://www.smotr.ru/2010/2010_sovr_vremya.htm#infox>. [Просмотрен 3.05.2013]